

В. М. Скляренко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро

Монархи-долгожители

Старейшина европейской монархии

Первая глава в истории португальской монархии

В сознании многих людей возникновение португальского государства чаще всего ассоциируется с эпохой Великих географических открытий. Между тем португальское королевство провозгласило свою независимость еще в 40-х годах XII века. И произошло это благодаря Афонсу (Альфонсу) Энрикешу, ставшему его первым королем.

Родоначальник португальской монархии родился 25 июля 1109 года (по другим данным — 1111 года) предположительно в Коимбре, одном из старейших городов на Пиренейском полуострове. Его отцом был Генрих (Анри, Энрике или Энрикеш) Бургундский (внук Роббера, первого графа Бургундского), а матерью — внебрачная дочь короля Альфонсо VI Кастильского, принцесса Тереза Леонская. Их брак был продиктован политическими соображениями. В связи с

развернувшейся на Пиренейском полуострове в конце XI столетия Реконкистой — изгнанием мавров — король Альфонсо VI обратился за помощью к иностранным рыцарям. За это согласился отдать своих дочерей Урраку и Терезу в жены их предводителям. После заключения брака принцесса Тереза получила в приданое графства Порту и Коимбра, которые были тогда наименее защищенной от вторжения мавров провинцией на юге Кастилии, а ее муж Энрике Бургундский — титул графа Португалии. Вместе со своей супругой граф правил в течение 16 лет.

Это вообще был один из самых трудных периодов для христианских государств, находящихся на Пиренейском полуострове. Со всех сторон их теснили войска Альморавидов — мусульманской династии в Северной Африке (1050–1146 гг.), которая к тому времени правила огромным государством, включавшим территории Марокко, Западного Алжира, Западной Сахары, Балеарских островов и мусульманской части Испании. Граф Энрике, не жалея сил, защищал южные рубежи своей страны от мавров. Он ожесточенно боролся с ними вплоть до своей смерти в 1112 году. А в последние годы жизни ему не удалось избежать и междоусобной борьбы с соседними графствами Леона, Арагона и Галисии.

Дело в том, что граф Энрике неукоснительно выполнял свои феодальные обязанности по отношению к Альфонсо VI вплоть до смерти последнего в 1109 году, но после нее отказался признать себя вассалом наследницы Альфонсо — его дочери Урраки, которая правила Галисией. Ведь к тому времени территория Португальского графства значительно расширилась за счет дарования форалов (жалованных королем прав) городам Соуре, Гимарайншу, селениям Константин де Паноайш и Тентугалу. Рост населения, освоение и закрепление новых земель за графством дали возможность Энрике вести себя более независимо по отношению к своему сюзерену и надеяться на обособления графства. Но осуществить свои мечты он не успел.

После его смерти фактическая власть над Португалией перешла к его вдове Терезе, которая правила графством на правах регентши при малолетнем сыне Афонсу Энрикише. Это была очень энергичная, самолюбивая и находчивая женщина. Так же как и ее супруг, Тереза успешно боролась с маврами и закладывала фундамент, на котором ее сыну предстояло возвести независимое Португальское королевство. После раздела Кастилии между Урракой и ее сыном, будущим королем Альфонсо VII, Тереза также провозгласила себя королевой, не признавая вассальной

зависимости от них. Но ее увлечение одним из рыцарей, доном Фернандо Пересом де Трава, безмерно щедрые милости, которыми она осыпала своего фаворита, а также ее сближение с галисийской знатью привели к тому, что ослепленная любовью и властью регентша нажила себе немало врагов среди собственных придворных. И самым неприятным в этой ситуации было то, что главным противником Терезы стал собственный сын Афонсу.

Оставшись без отца в трехлетнем возрасте, Афонсу быстро повзрослел. Уже в одиннадцать лет этот мальчик, унаследовавший от Энрике титул графа Португалии, уже имел собственные политические взгляды, которые разительно отличались от взглядов его матери. В 1120 году юный принц встал на сторону архиепископа Браги, являвшегося политическим оппонентом Терезы. Мать изгнала обоих из Коимбры, и последующие три года Афонсу вынужден был провести вдали от своей страны под присмотром архиепископа. По традиции того времени в 14 лет он прошел посвящение в рыцари, которое осуществил его двоюродный брат Альфонсо VII Кастильский. Несмотря на юный возраст графа, подданные видели в нем образец христианского рыцаря, достойного сына человека, посвятившего свою жизнь борьбе с мусульманами. Юноша был высок и

крепок телом, обладал физической силой. При этом он значительно превосходил остальных рыцарей в умении владеть оружием, прекрасно держался в седле и был достаточно образованным, хотя его познания и отличались бессистемностью. Афонсу сочетал в себе пылкую набожность со склонностью к плотским утехам, вспыльчивость и порывистость с неудержимым высокомерием. Его отношения с матерью были всегда довольно прохладными, а после того, как Тереза, потерпев поражение в борьбе с Альфонсо VII, была вынуждена в 1127 году заключить с ним мир и войти в союз против Арагона, Афонсу выступил против матери.

Юный бунтарь

Сразу же после заключения Терезой мира с королем Альфонсо VII семнадцатилетний Афонсу попытался взять бразды правления в свои руки. Его первым самостоятельным шагом стало пожалование земель Сан-Винсенте де Фрагозу, подписанное без участия регентши. После этого он также самолично подтвердил форал городу Гимарайншу. Одновременно юноша начал собирать войско, чтобы выдворить мать вместе с ее фаворитом из страны. Молодого графа поддержали многие представители старинных португальских семей, в том числе Мендеш да Майа, из рода

которого происходил воспитатель Афонсу, архиепископ Браги Найу Мендеш. На стороне инфанта выступили Гимарайнш, Брага и многие другие города — от Дору до Минью. Через год он собрал большое войско, но воинственная Тереза еще долго сопротивлялась. Только 24 июля 1128 года в битве при Сан-Мамеде Афонсу удалось одержать победу над войском матери, а саму ее взять в плен.

Но, заточив свою мать, юный глава Португальского графства не угодил Риму. У донны Терезы было немало влиятельных друзей в Ватикане, которые, несмотря на ее скандально-провокационное поведение, расценили действия Афонсу как нарушение сыновнего долга. Они повлияли на главу католической церкви, и тот в категорической форме потребовал от Афонсу немедленно освободить мать. Неисполнение повеления Папы Римского грозило юному графу отлучением от церкви. В Брагу, где находился в то время бунтарь, приехал папский легат, объявивший ему о решении главы Ватикана. А так как Афонсу и не думал сдаваться, события могли принять драматический характер.

О том, как именно разрешился этот конфликт, существует немало преданий. Одно из них изложено в книге писателя Рафаэля Сабатини «Капризы Клио». В главе «Отпущение грехов» он в

художественной форме попытался воссоздать эти драматические события португальской истории. В его интерпретации дело обстояло следующим образом. Первым, кто поведал Афонсу об ультиматуме Папы Римского, был его друг и духовный наставник — епископ Коимбрский. Он уговаривал инфанта смириться с этим решением и освободить донну Терезу из заточения. Но тот в ответ лишь залился краской гнева и с возмущением прогнал его. На следующий день епископ то ли от страха, то ли от ощущения собственного бессилья покинул Коимбру и отправился на север страны, к городу Порту. А на дверях коимбрского собора появился пергамент, сообщающий об отлучении инфанта от церкви. Узнав об этом, Афонсу облачился в латы, набросил на плечи отороченную золотом белую мантию и в сопровождении своего сводного брата Педру и рыцарей Эмигиу Мониша и Санчо Нуньеса прискакал к собору. Он сорвал пергамент и смял его, а затем приказал бить в колокола.

Вскоре на церковном дворе вокруг инфанта собрались члены монашеского ордена. Он заявил им, что, будучи богобоязненным христианским рыцарем, не признает этой анафемы, а поскольку отлучивший его епископ сбежал, предложил избрать нового. Монахи отказались выполнить волю графа, и тогда он сам выбрал из их числа

епископа и заставил его во время торжественной мессы объявить о снятии анафемы. Но члены монашеского ордена не смирились с таким произволом и срочно отправили в Рим подробный доклад о кощунственной проделке инфанта. Папа Римский поспешил восстановить авторитет церкви и отрядил к юному бунтарю, незаконно правившему Португалией, своего легата кардинала Коррадо в сопровождении двух его племянников — римских патрициев Джан-нино и Пьерлуиджи да Коррадо.

Кардинал застал Афонсу в старом мавританском дворце, служившем ему резиденцией, за веселой пирушкой с друзьями. Юноша, не ожидая ничего хорошего от этого визита, принял папского посланника сдержанно. Оскорбленный его неучтивостью, легат жестко объявил ему цель своего появления: «Я прибыл, дабы преподать вам урок веры, о которой вы, похоже, напрочь забыли. Я приехал, чтобы научить вас блюсти свой христианский долг и потребовать немедленного исправления последствий ваших святотатственных деяний. Папа требует незамедлительно восстановить в прежнем положении епископа Коимбры, которого вы изгнали из города, угрожая насилием, и низложить священнослужителя, богохульно поставленного вами на место законно избранного епископа... Мы

требуем также, чтобы вы тотчас освободили даму, вашу мать, которую вы несправедливо заточили в узилище и держите там». Афонсу попытался объяснить кардиналу, почему он содержит королеву в неволе: «Возможно, Рим поверил лживым наветам. Донна Тереза вела распутную жизнь, и мой народ страдал от несправедливости во время ее правления. Вместе с пресловутым сеньором Трава она разожгла пожар гражданской войны в подвластных ей землях. Узнай же от нас правду и поведай ее Риму». Но папский посланник остался непреклонным. И тогда вспыльчивый и порывистый Афонсу прогнал его прочь.

А на следующий день стало известно, что разгневанный кардинал отлучил от церкви всех жителей Коимбры. Храмы города были закрыты до тех пор, пока отлучение не будет снято. Ни одному священнику не разрешалось крестить, венчать, исповедовать и отпевать умирающих. Народ был объят страхом и, зная, что анафема была наложена из-за инфанта, умолял его избавить их от ужасов отречения. Папский посланник к тому времени уже покинул город, и Афонсу отправился за ним в погоню. Он догнал его в маленькой деревушке, где тот остановился на постоялом дворе, и стал требовать снять анафему с Коимбры. «Я могу понять и снести твоё желание покарать меня при помощи орудий церкви за грехи, которые ты мне

приписываешь, — сказал инфант кардиналу. — Быть может, тут есть некий резон. Но скажи, какой смысл наказывать целый город за проступок, который совершил — если вообще совершил — я один?» На что получил такой ответ: «Ужас заставит горожан взбунтоваться против тебя. Если, конечно, ты не избавишь их от проклятия. У меня, государь, есть отличное средство удержать тебя в узде. Либо ты покоришься, либо будешь уничтожен».

И тут Афонсу решился на небывалый поступок. Он приказал своим рыцарям схватить племянников кардинала и повесить их без причастия. Видя, что инфант не остановится ни перед чем, сеньор Коррадо стал на коленях умолять Афонсу проявить милосердие и отпустить его близких. Но тот был неумолим, и по его приказанию на шеи несчастных рыцари уже накинули веревки. И тогда кардинал сдался. Он крикнул инфанту: «Заставь их остановиться! Проклятие будет снято». Но дерзкому юноше было мало этого обещания. Теперь он диктовал свои требования папскому посланнику: «Выслушайте условия, которые вам надо принять, чтобы спасти им жизнь. Полное отпущение грехов и апостольское благословение для моих подданных и меня самого. Нынче же вечером. Я, со своей стороны, готов исполнить волю его святейшества и освободить из заточения мою мать, но при условии,

что она тотчас же покинет Португалию и больше не вернется сюда. Что касается изгнанного епископа и его преемника, то пусть все остается как есть... Вот так, сеньор. Мне кажется, что я достаточно великодушен. Освободив свою мать, я даю вам возможность ублажить Рим». Кардинал выполнил все условия Афонсу, который, в свою очередь, выделил донне Терезе замок на севере страны, где она и провела оставшиеся два года своей жизни с графом Фернандо Пересом де Трава.

Так ли в действительности развивались события, или многое из описанного Сабатини является плодом его художественной фантазии, остается только гадать. Скупые исторические источники позволяют лишь констатировать тот факт, что в результате победы в битве при Сан-Мамеде 24 июня 1128 года Афонсу отстранил от власти свою мать и стал главой Португальского графства. К этому стоит добавить, что в их междоусобной борьбе, помимо противоборствующих феодальных группировок, выступавших на стороне Терезы или Афонсу, большое значение имела также позиция других слоев населения. В частности, как уже говорилось, за инфанта выступили Гимарайнш, Брага и другие городские центры — от Дору до Минью. По сообщению хроники, Афонсу призвал «своих друзей и бедняков Португалии, которые

предпочитали его правление правлению его матери и недостойных чужаков», выступить под его знаменами. Объяснить этот, казалось бы, не свойственный для феодального мира призыв и оказанную Афонсу поддержку можно тем, что попытка феодалов, поддерживающих королеву Терезу, вернуть Португалию в состав Леоно-Кастильской монархии привела бы к войне и грабежам на территории Португалии. В свете этого Афонсу выступал в роли защитника своих подданных. Можно сомневаться в мотивировке и оценке этих событий хронистом, но сам факт попытки включения в борьбу более широких слоев населения бесспорен. Эта черта политической жизни Португалии в дальнейшем пройдет красной нитью через всю ее средневековую историю.

Еще одним немаловажным условием поддержки молодого правителя Португалии как со стороны населения страны, так и со стороны Ватикана являлась его готовность продолжать непримиримую борьбу с мусульманами, которую вел его отец. Война против арабского владычества стала для него священным долгом, который он истово исполнял до конца своей жизни. И за это католическая церковь готова была отпустить ему все грехи.

Строитель португальского государства

Первые годы правления Афонсу были связаны с урегулированием отношений с Леоно-Кастильской монархией. С 1132 года не прекращались и его междоусобные стычки с Галисией из-за спорных земель и замков. Но в 1135 году король Леона и Кастилии Альфонсо VII был провозглашен императором Испании. Через два года в Туе он заключил с Афонсу мирный договор, по которому молодой португальский правитель признавал свое вассальное подчинение императору в обмен на неприкосновенность северных границ Португалии. Этим договором Афонсу еще раз доказал свое умение находить компромисс при решении спорных проблем. Интересно, что даже в этом «межгосударственном» документе не обошлось без упоминания об арабских завоевателях. В отдельном пункте договора предусматривалось, что если в земли Альфонсо вторгнется «какой-либо король христиан или язычников», то Афонсу обязан помогать их оборонять.

Но правитель Португалии и без договора с 1130 года рьяно защищал южные границы страны от набегов мусульман. И большинство его военных кампаний против мавров были успешны. Особенно удачным стало сражение, состоявшееся 25 июля

1139 года при Орике, в котором он одержал решительную победу над объединенными войсками бадахосского, севильского, эворского, уэльвского и бежского эмиров, выступивших на завоевание Коимбры. С этой битвой связана легенда, по которой перед боем у Афонсу было видение — ему явился Иисус Христос, который сказал, что он одержит победу. Так и произошло. Историки по-разному оценивают это событие. Некоторые из них считают, что битва при Орике была всего лишь незначительным «весенним» набегом арабов и достигнутая в ней победа имела не столько стратегическое, сколько моральное значение, подняв престиж Афонсу как борца с мусульманским владычеством. Однако, по легенде, именно за эту победу солдаты незамедлительно провозгласили Афонсу королем. Это решение было утверждено португальскими кортесами — сословно-представительским собранием депутатов, состоявшимся в Ламегу. А в 1143 году Афонсу короновал в Браге епископ Иоанн Странный. Это означало, что отныне Португалия больше не является феодальной вотчиной Кастилии, а становится полноправным независимым государством. С победой при Орике связано и возникновение герба Португалии. Пять синих щитов на нем, расположенных в серебряном поле, символизируют пять поверженных при Орике

исламских «королей», а пять серебряных гвоздей на каждом из щитов напоминают о распятии Христа.

Но одного самопровозглашения независимости было мало. Теперь Португалию должны были признать соседние государства и католическая церковь. Сначала Афонсу решил доказать эту независимость силой. Он собрал войска и, нарушив договор в Туе, отправился в поход на Галисию. Разбив армию Альфонсо VII, монарх-завоеватель захватил Туй и ряд галисийских земель. Только в 1143 году между соседями-родственниками было заключено новое мирное соглашение в городе Самора. Как следует из исторических документов, в соответствии с ним Альфонсо VII признавал самостоятельную Португалию, не входящую в состав Леона, а вот городом Асторгой Афонсу все же владел на правах вассальной зависимости от него. Фактически был признан и королевский титул португальского правителя. Став императором, Альфонсо VII с юридической точки зрения не имел ничего против вассала-короля.

Что же касается Афонсу, то его участие в Реконкисте, т. е. в борьбе с «неверными» в защиту христианства, и возвращение под его эгиду поработанного мусульманами населения и земель, захваченных арабами, и отпор притязаниям Кастилии — все это требовало экономической

самостоятельности Португалии. И молодой король неустанно заботился об этом. Стремясь обеспечить процветание португальских городов, он пожаловал форалы Лиссабону, Сантарену, Визеу, Синтре и ряду других поселений. Для того чтобы обеспечить отвоеванные у мавров земли рабочими руками, Афонсу издавал многочисленные королевские грамоты и форалы, в которых «отныне и вовек» были установлены повинности крестьян. Иногда он уничтожал этими грамотами личную зависимость крестьян от землевладельцев, а на новых землях, где жизнь была особенно трудна и опасна, о ней вообще и говорить не приходилось. Здесь селились пришельцы-христиане, крестьяне выходили в поле, вооруженные мечами, а каждый горожанин почитал свои священным долгом и обязанностью защиту городских стен и участие в королевских походах. Все это привело к тому, что уже к концу XII века личная зависимость крестьян и прикрепление их к земле — столь привычный элемент средневековой истории — в Португалии почти исчезли.

Главной формой освоения отвоеванных у арабов земель во время правления Афонсу Энрикеша была королевская колонизация. Он прекрасно понимал, что закрепление этих земель за португальским государством было невозможно без их освоения и заселения. Поэтому одной из важнейших забот короля стало восстановление

старых укреплений и строительство новых замков. Об этом повествуют все хроники и документы тех лет. Так, при Афонсу дважды был отстроен замок в Лейрии, возведены новые замки в Жерманелу и Коруше.

Отвоеванные португальским правителем в ходе Реконкисты земли в основном заселялись пришельцами-христианами. Однако те из мусульман, которым удалось выжить, не изгонялись за пределы христианских владений. Им разрешалось заниматься прежним ремеслом, но жить они должны были только за пределами городских стен. Так вокруг крупных городов появились новые арабские кварталы — аррабалде. Афонсу издал несколько специальных форалов, регулирующих жизнь арабского населения, согласно которым, ворота этих кварталов, обнесенных собственной стеной, закрывались с вечерней зарей и жителям запрещалось их покидать до того, как начинали звучать колокола утренней мессы. В то же время христианки не имели права входить в пределы арабской общины без сопровождающих.

Одновременно с заботой о благе подданных Афонсу многое делал для укрепления церкви: он раздавал щедрые пожалования и дарения церквям, монастырям, монашеским орденам и рыцарям, сам основывал новые ордена и монастыри. Так, в 1153

году Афонсу основал бенедиктинский монастырь Санта-Мария в городе Алкобасе (ныне входит в Список памятников Всемирного наследия), в 1162-м в Сантьяго — орден св. Беннета, соединявший в себе военные и религиозные элементы, а в старинном городе Эвора — Ависский орден рыцарей. В 1144 году молодой король пожаловал ордену тамплиеров замок в Соуре, а в 1160-м они заложили замок Томар, который стал в Португалии главной резиденцией ордена. По инициативе тамплиеров восстанавливались и заполнились населением города Помбал, Эга и Сераш. В 1170 году орден присоединил к своим владениям замок Алмурол, расположенный на острове посреди Тежу, получив, таким образом, возможность контролировать в этом месте реку. Благодаря всему этому политика Афонсу, направленная на достижение юридической независимости государства, находила поддержку среди духовенства и знати. Если в начале XII века постоянно сталкивались интересы Сантьяго, Толедо и Браги из-за прав и привилегий, из-за подчиненности тех или иных епископств, то спустя тридцать лет португальские епископства уже проявляли открытое неповиновение. Так, в 1143 году епископы Браги, Коимбры и Порту отказались прибыть на Вальядолидский собор, объясняя это тем, что они не подчиняются Толедо. Таким

образом, стремления к церковной и политической самостоятельности страны совпали.

В свою очередь Афонсу, заботясь о процветании духовенства, видел в церкви мощного гаранта действительной независимости Португалии, поэтому прилагал много усилий для упрочения своих отношений с римским престолом. Сразу же после заключения мирного договора с Альфонсо VII в Саморе Афонсу обратился к папе Люцию II с просьбой принять Португалию под свое покровительство как вассала, с условием выплаты Риму ежегодного взноса в размере 4 унций золота. Молодой монарх хорошо понимал, что любой договор может быть рано или поздно нарушен и поэтому искал мощной поддержки со стороны церкви. Оценивая этот шаг Афонсу, известный португальский историк А. Эркулану справедливо писал, что Португалия могла избежать зависимости от Кастилии, только сменив ее на тень папского престола. Впрочем, молодого короля она не очень обременяла. Он считал, что сюзерен находится от него достаточно далеко и с уплатой взносов в папскую казну можно не спешить, уклоняясь от нее под всякими предлогами.

Риму также было выгодно сотрудничество с Афонсу. Папская власть была заинтересована в дальнейшем успешном проведении Реконкисты, которое он мог обеспечить. Война с арабами

устроивала ее как с точки зрения религиозной, так и с точки зрения расширения христианского мира со всеми вытекающими из этого идеологическими, политическими и экономическими последствиями. Поэтому папы всегда благословляли войны с мусульманами. Кроме того, в конце XI века значительно возросли и теократические притязания Рима, его попытки усилить свое влияние на жизнь западноевропейских стран. Между тем существовавшие тогда на Пиренейском полуострове христианские государства в целом вели самостоятельную политику. Усиление Леоно-Кастильской монархии после принятия ее королями титула императора не могло не вызывать беспокойства папского престола, особенно на фоне его борьбы со Священной Римской империей¹. Поэтому Ватикан стремился постоянно контролировать и вмешиваться в дела пиренейских государств. Папские легаты неоднократно мирили королей, смещали неудобных епископов, налагали

---

¹ Священная Римская империя (962—1806), с XV века Священная Римская империя германской нации. Основана германским королем Оттоном I, подчинившим Северную и Среднюю Италию (с Римом), включала также Чехию, Бургундию, Нидерланды и др. В конце XI—XII вв. ее императоры боролись с римскими папами за Италию. Постепенно власть императоров стала номинальной.

интердикты — церковные наказания, запрещавшие совершать богослужение и религиозные обряды. С одной стороны, Рим боялся дробления христианских сил перед лицом мусульман, а с другой — сам стремился расколоть пиренейские государства, чтобы подчинить их себе. Поэтому, когда Афонсу обратился к папе с предложением ленной присяги, тот благосклонно принял ее, обещал ему защиту и покровительство, но в то же время не признал Португалию самостоятельным королевством, а его самого — королем, и на протяжении долгих лет папская курия по-прежнему титуловала португальского государя герцогом.

Португалия была признана независимым государством только в 1179 году после издания Папой Александром III буллы, вручавшей Афонсу «Португальское королевство со всей полнотой королевских почестей и достоинством, которое следует королям», и все земли, которые он завоеует в будущем. При этом ежегодный взнос, выплачиваемый им Риму, был повышен почти в четыре раза — до 2 марок золота. Это долгожданное решение было продиктовано не столько успехами Португалии в Реконкисте, сколько политическим интересом Ватикана, который наконец увидел в португальском государе своего верного союзника в борьбе с имперскими устремлениями Кастилии. К тому времени Афонсу

было уже семьдесят лет. С 1139 года он правил страной как самопровозглашенный король, и запоздалое папское признание за ним этого титула для него уже мало что значило. Свое государство он создал сам, отвоевывая и защищая новые земли у арабских династий Альморавидов и Альмоадов.

Монарх-завоеватель

Афонсу I Энрикеш по праву вошел в историю Португалии не только как первый ее король, но и как выдающийся военный деятель, прославившийся своими завоеваниями, которого португальцы почитают как национального героя. Он до конца своей жизни участвовал в воинских походах, несмотря на преклонный возраст и полученные ранения. Завоевания Афонсу на южных границах Португалии начались, если вы помните, с разгрома мусульманских войск при Орике (1139 г.) и продолжались до 1184 года, т. е. в течение 45 лет. После этой победы все устремления молодого тогда короля были направлены на взятие Лиссабона — крупнейшего торгового и ремесленного центра западной части полуострова, который контролировал и устье реки Тежу, и морское побережье. Уже в 1142 году он попытался овладеть этим городом. Но, несмотря на то что в этом походе ему помогали английские и нормандские рыцари,

которые по пути в Святую землю сделали остановку в Порту, сил для взятия этого очень хорошо укрепленного города ему оказалось недостаточно. Афонсу пришлось удовлетвориться обещанием мавританского правителя Лиссабона выплачивать дань Португалии. После этого осада города была снята.

Однако мысль о взятии Лиссабона не покидала португальского правителя. Прошло пять лет. Учитывая свой прежний неудачный опыт, он решил начать новую военную кампанию с завоевания небольшого городка Сантарена, который как будто «сторожил» подходы к Тежу с севера. С 715 года он находился под властью мусульман, и вот теперь настало время вернуть его под юрисдикцию Португалии. В марте 1147 года Афонсу отправил в город троих вестников, чтобы предупредить горожан о разрыве мирного договора. Сам же в спешном порядке выступил с войском и уже через пять дней, 15 марта, был под стенами города. Его расчет на внезапность оправдался. При поддержке рыцарей ордена тамплиеров, которые и раньше неоднократно участвовали в военных походах Афонсу, Сантарен был взят в тот же день. Теперь Афонсу была открыта дорога на Лиссабон. Однако лиссабонская кампания началась только в июне. Почти три месяца король провел в ожидании «франков» — западноевропейских

рыцарей-крестоносцев, флот которых должен был летом по пути в Палестину остановиться в Порту. Когда их корабли прибыли, епископ Порты, по обычаю его страны, поприветствовал крестоносцев и передал им просьбу Афонсу помочь в осаде Лиссабона, за что они будут достойно вознаграждены. Предводители «франков» встретились с королем и обсудили условия осады.

Перед началом боевых действий была проведена месса, во время которой случилось нечто из ряда вон выходящее: гостия — облатка из пресного пшеничного теста, употреблявшаяся с XII века в католической церкви для причащения, к ужасу собравшихся оказалась пропитана кровью. Разгорелись споры по поводу толкования этого явления: одни считали его грозным предзнаменованием, другие, напротив, — благим знаком. Так или иначе, но христиане решили не отступать от задуманного и драться до победы.

Сражение под стенами Лиссабона продолжалось 20 недель. Осаждавшие неоднократно пытались делать подкопы, чтобы разрушить крепостные стены. Они соорудили передвижные осадные башни и ежедневно шли с ними на приступ. Положение города с каждым днем все усложнялось, и его правитель попытался обратиться за помощью к другим мусульманским городам. Только одному гонцу удалось добраться

до Эворы, да и тот был убит на обратном пути крестоносцами. Попавший в их руки ответ правителя этого города ничем не облегчил бы участи лиссабонцев: он отказался оказать им помощь, поскольку не смел нарушить мирный договор с Афонсу.

Кольцо осады вокруг Лиссабона непреодолимо сжималось. Его не могли разорвать отдельные вылазки арабских воинов за стены города. Погибшие в этих боях арабы подвергались крестоносцами поруганию: их головы насаживались на кол и выставлялись у городских стен, несмотря на все просьбы мусульман отдать тела убитых для погребения. К тому же в Лиссабоне начался голод. После четырех с лишним месяцев осады правитель города вынужден был обратиться к Афонсу с просьбой о перемирии. Он выдвигал перед королем только одно условие: лиссабонцам будет разрешено беспрепятственно покинуть город, оставив завоевателям золото, серебро и другое имущество.

Однако такие условия сдачи Лиссабона не устраивали крестоносцев. Многие из них настаивали на штурме города, тогда они могли бы делить добычу по собственному усмотрению. Споры между осаждающими нередко перерастали в стычки — воины хватались за мечи. Только решительность Афонсу положила этому конец.

Король потребовал, чтобы предводители «франков» успокоили своих людей, только после этого он примет окончательное решение. Постепенно страсти улеглись. На совете было решено, что в завоеванный город войдет отряд из 300 крестоносцев, в котором в равном количестве будут представлены все подразделения христианского воинства. Он займет цитадель Лиссабона, в которую его жители доставят свои драгоценности и другое имущество. Таким образом, все получат должное вознаграждение, а новое владение Португалии не будет разорено. Но на деле все вышло иначе. Как только ворота города открылись, ряды крестоносцев смешались и они вскачь, опережая друг друга, помчались по улицам, грабя и убивая. Среди жертв алчных победителей оказался и епископ Лиссабона. Старец, переживший все невзгоды долгой осады, пал с перерезанным горлом от руки христианина. Вспыхивали драки и среди самих победителей, не поделивших награбленное. Вскоре они перешли в настоящую резню. Улицы Лиссабона были завалены телами убитых, которых некому было хоронить.

1 ноября 1147 года была освящена лиссабонская мечеть, которая теперь стала христианским храмом. Вместо убитого епископа был назначен новый, им стал английский прелат Джилльберт Гастингский. Часть крестоносцев

осталась в городе, получив здесь владения в качестве вознаграждения за участие в этом походе.

А король перенес в этот прекрасный приморский город с отличной гаванью свою столицу.

Подробности лиссабонской кампании Афонсу стали известны благодаря рукописи «Завоевание Лиссабона», составленной английским клириком по имени Осберн (Осберт), который принимал в ней участие. Она представляла собой, судя по всему, письмо, отправленное на родину крестоносца.

Внимательный взгляд непосредственного участника этих событий, определенная отстраненность в их изложении делают рукопись Осберна одним из важнейших памятников по истории средневековой Португалии.

Взятие Лиссабона, являвшегося ключом к южным и центральным областям страны, стало значительной вехой в португальской Реконкисте. Обладание им существенно повышало экономическую и политическую значимость королевства, дало Афонсу Энрикешу власть над новыми землями. Но еще немало городов оставалось под властью арабов. Поэтому король в течение следующего десятилетия продолжал медленное, но неуклонное наступление на юг, дойдя к 1158 году до города Одемира, хотя некоторые завоевания давались ему нелегко: так, только с четвертой попытки его войско смогло

взять (24 июля 1158 года) мощную крепость арабов Алькасер. В следующем году он овладел такими большими южными городами, как Эвора и Бежу. Затем ему без боя сдались Мора, Серпа и Эльваш. Но после этого дальнейшее продвижение войск Афонсу было остановлено альмоадами — мавританскими племенами, вторгшимися на Пиренейский полуостров из северных районов Африки и подчинивших себе южные арабские эмираты. Уже в 1161 году мусульмане вернули себе Эвору и Бежу (впрочем, они еще не раз переходили из рук в руки).

В войске Афонсу было немало смелых рыцарей. Один из них, по имени Жиралду, прозванный Бесстрашным, особо отличился во время сражений с альмоадами в Алентежу. По преданию, он совершил какой-то проступок, навлекший на него гнев Афонсу. Из-за этого рыцарю пришлось бежать в Алентежу. В схватках с мусульманами он взял не один замок, стремясь боевыми заслугами вернуть себе милость короля. Жиралду проникал в замки «неверных» ночью. Блестяще владея арабским языком, он обманывал охрану и беспрепятственно проникал в помещения. А утром замок оказывался в руках его воинов. Такими молниеносными захватами он заслужил грозную славу. Осенью 1165 года рыцарю удалось отвоевать у арабов Эвору, ставшую достойным

даром Афонсу, за который Жиралду наконец получил у него прощение. Этого рыцаря нередко называют португальским Сидом — из-за сходства судьбы, военной дерзости и удачливости, какими славился его кастильский собрат.

Арабы были не единственным противником Португальского королевства. В разные периоды своего правления Афонсу приходилось сражаться и со своими ближайшими соседями — христианскими государствами. Так, его войска были дважды разбиты в 1167 году королем Леона Фернандо II у Бадахоса, а сам правитель Португалии получил ранение в результате падения с лошади и был взят под стражу солдатами леонского правителя. Тогда Португалия вынуждена была капитулировать, отдав Фернандо II в качестве выкупа все завоеванное до этого Афонсу в Галисии. Вместе с тем были и случаи совместного выступления Афонсу с государем Леона против арабов. Одним из примеров может служить сражение 27–28 июня 1184 года у города Касереса между христианами, возглавляемыми Афонсу I и Фернандо II, и мусульманами во главе с халифом альмоадов Юсуфом. Тогда же, несмотря на преклонный возраст, у португальского короля было еще достаточно энергии, чтобы освободить из осажденного маврами города своего сына Саншу. Однако эта битва стала последней в воинской

биографии Афонсу I Энрикеша, прозванного Завоевателем. Жить ему оставалось не более полугода.

Король умер! Да здравствует король!

Первый король Португалии скончался 6 декабря 1185 года в Коимбре в возрасте 76 лет и был похоронен в монастыре Санта-Круш. Его правление длилось 57 лет — он правил сначала в качестве графа, а потом короля. Притом, эти годы прошли в военных походах, где, непосредственно участвуя в сражениях, он ежеминутно рисковал жизнью. Афонсу I Энрикеш не только сумел сделать Португалию независимым королевством, но и расширил ее границы к югу от реки Мондегу и далеко за реку Тежу. А еще он явился основателем Бургундской королевской династии, которая царствовала в Португалии до 1383 года. Практически все ее представители, так же как и Афонсу, отличались силой характера и величием замыслов, укрепляли и защищали свое государство. Может быть, поэтому они тоже правили долго: Афонсу III — 34 года, Диниш — 46, Афонсу IV — 32. Но всех их, конечно же, превзошел Афонсу I Энрикеш, который по праву считается «старейшиной европейской монархии».

Он был не только правителем государства, но и главою большого семейства. Еще в 1146 году Афонсу женился на Мафальде (Матильде) Савойской, дочери графа Амадея III Савойского. От этого брака родилось семеро детей. Но, помимо законных, у любившего плотские утехы государя было еще пять внебрачных детей — обычное явление для того времени. Все они занимали достойное место в кругу португальской знати, но королевскую корону получил только один из сыновей Афонсу, ставший следующим правителем Португалии — Саншу I. В отличие от отца, он не был воинственным человеком. Главной его заботой стало установление порядка на тех землях, которые были завоеваны его предшественником и уже вошли в состав королевских владений. Поэтому по португальской исторической традиции он получил прозвище Освоителя.

В отличие от отца, Саншу не раз вступал в конфликты как с папской курией, так и с местным духовенством. Он почти 20 лет не посылал вассальные выплаты Ватикану, несмотря на неоднократные требования и запросы Святого престола, а также пытался ограничить земельные владения португальских церковников. Так, он отнял у коимбрского епископа два замка, а его вмешательство в дела епископа Порту привели к тому, что папа наложил интердикт на все

королевство, который был снят лишь перед самой смертью Саншу.

Выдающийся португальский поэт Луиш де Камознс в поэме «Лузиады», пронизанной любовью к истории своей страны и народа, написал такие восторженные строки:

Блеск португальской славы не исчез,
И в памяти он сохранится вечно.
Судьба явила ныне без завес,
Что, выполняя долг свой безупречно,
Луз превзошел величием своим
Ассирию, и Грецию, и Рим.

И хотя эта поэма посвящена португальскому королю Себастьяну, эти слова можно по праву отнести и к его далекому предшественнику — Афонсу I Энрикешу, с которого, собственно, и начался блеск португальской славы на Пиренейском полуострове.

«Король — Солнце»

Морозным днем 22 января 1687 года к зданию Лувра — древней «усыпальницы французских королей», — переданному Людовиком XIV Французской академии, съехалось множество карет.

Это столпотворение из ученых мужей, государственных деятелей, представителей литературы и высшей знати было вызвано премьерой поэмы «Век Людовика Великого», написанной французским писателем, академиком и государственным деятелем Шарлем Перро, больше известным миру по своим сказкам. Особую значимость этому событию придавало присутствие в академическом зале самого короля.

Поэму можно было бы счесть за очередной панегирик венценосной особе, каких немало сочинялось в честь правителей и в других странах, если бы не одно обстоятельство. Восхваляя в ней ум, решительность, мудрость и военный талант французского монарха, Перро прославлял тем самым не только его самого, но и эпоху его правления, считая, что по развитию культуры, образованности, науки и медицины она намного превзошла античные идеалы. В поэме, в частности, говорилось:

Чтить древность славную прилично, без сомненья!

Но не внушает мне она благоговенья,

Величье древних я не склонен умалять,

Но и великих нет нужды обожествлять.

И век Людовика, не заносясь в гордыне,

Я с веком Августа сравнить посмею ныне.

В своем произведении Перро ниспровергал авторитеты общества Ренессанса, отстаивая свою веру в нравственный прогресс, в достижение новых высот в науке, культуре и искусстве, которые, по его мнению, явственно проявились во Франции XVII века, который он назвал Великим, и во многом превзошли античную цивилизацию.

Слушатели поэмы кардинально разошлись в ее оценке: приверженцы «древних», к числу которых относился Никола Буало, были оскорблены услышанным, те же, кто разделял мнение автора, видели будущее развития человеческой цивилизации в разрыве с античными традициями. Относился ли к их числу и король, трудно утверждать, но при завершении чтения произведения он милостиво кивнул поэту.

Сегодня уже никто не сомневается, что XVII век занимает в истории Франции и Европы в целом исключительное положение. В этот период страна достигла небывалого культурного развития, в своем стремлении к совершенству она стала поистине законодательницей моды в архитектуре, музыке, литературе и театре на всем европейском континенте, доводя каждое нововведение в этих сферах деятельности до совершенства. Некоторые исследователи правления Людовика XIV, благодаря которому это стало возможным, считают, что при

нем даже война была «идеальной», где каждая военная операция превращалась королем в настоящий спектакль.

Однако сам Людовик XIV до сих пор вызывает как у историков, так и у писателей самые противоречивые мнения. Это отношение четко выразил Александр Дюма, который в книге «Жизнь Людовика XIV» написал следующее: «Быть может, Людовик XIV один до сих пор избег справедливого суда истории. Он был объявлен непогрешимым одними, а другими обвинен в недостатке всех достоинств. Ни об одной коронованной особе не было столько и таких разнообразных суждений, как о нем, и никто не слышал более громких похвал и более несправедливых обвинений». Так же дело обстоит и сегодня.

Действительно, не может не возникнуть вопрос, как человек, который не был ни дальновидным политиком, ни мудрым мыслителем, ни искусным полководцем, сумел укрепить территориальную целостность своего королевства, достичь пика абсолютистской власти, создать единый экономический рынок и оказать такое большое влияние на французскую культуру, определив главные направления ее развития на многие десятилетия вперед? К тому же Людовик XIV правил Францией гораздо дольше других

монархов — 72 года. Так в чем же состоял секрет его политического долголетия?..

Богоданный чудо-ребенок

Долгожданный наследник у венценосной четы — Людовика XIII и испанской инфанты Анны Австрийской — появился на свет 5 сентября 1638 года, когда их возраст уже приближался к 40 годам и надежды на его рождение почти угасли. Отсутствие потомства, видимо, объяснялось тем, что супруги на протяжении долгих лет совместной жизни питали друг к другу неприязненные чувства и король редко разделял брачное ложе с женой. А может быть, виной всему было злосчастное падение королевы в начале 1623 года, в результате которого ее первая беременность окончилась выкидышем. Как бы то ни было, но царственные супруги, почитая рождение наследника своим государственным долгом, предпринимали для этого немало усилий: королева Анна ездила на воды в Нормандию, совершала паломничества, обращалась за помощью к святому Норберту, а Людовик принес обет Богородице, вверив ее покровительству Францию. Так или иначе, но эти усилия наконец-то увенчались успехом.

В ожидании родов королева поселилась в Сен-Жерменской резиденции, в пригороде Парижа. В то время мост через Сену в том месте отсутствовал, и для оповещения о предстоящем событии на ее левом берегу поставили часовых,

которым велели наблюдать за окнами королевской спальни и передавать знаками известия. Если королева родит дочь, то они должны были встать по стойке смирно, сложив руки на груди крест-накрест, если сына — кричать от радости и махать шляпами. 5 сентября в полдень их ликующие крики были услышаны на противоположном берегу Сены, и по живому телеграфу, расставленному вдоль дороги, радостная весть быстро донеслась до Парижа.

По случаю рождения наследника французского трона два дня палили пушки, бил большой дворцовый колокол и колокол на Самаритянской башне, по всей столице были бесплатно выставлены бочки с вином, накрыты столы, а у городской ратуши устроен фейерверк. По улицам разъезжали торжественные колесницы с музыкантами, которые играли веселые песни, а на площадях при свете факелов актеры разыгрывали комедии. Так Париж приветствовал маленького дофина, которого называли богоданным ребенком. Известный астролог Томазо Кампанелла составил гороскоп будущего короля. В нем говорилось: «Этот младенец будет горд и расточителен, как Генрих IV. Он будет иметь много забот и трудов во время своего царствования. Царствование его будет продолжительно и в некоторой степени счастливо, но кончина его будет несчастна и повлечет за собой

большие беспорядки в религии и государстве». Это был тот редкий случай, когда почти все, предсказанное астрологом, сбылось...

Королевский первенец радовал родителей и двор своей жадной жизни: он родился с двумя молочными зубами и обладал завидным аппетитом. В раннем детстве этот голубоглазый и краснощекий малыш с золотистыми кудряшками был похож на ангелочка. Он рос очень подвижным и любознательным ребенком. Но на людях мальчик старался не проявлять присущей ему ребячливости и был серьезен не по годам. К примеру, вот какой портрет десятилетнего дофина составил венецианский посол: «Красота, спокойствие и важность придают совершенство его внешности, его лицо являет серьезность и строгость. Меланхолия властвует над ним в том возрасте, который обычно полон живости». Уже тогда в будущем короле проявлялась черта, о которой впоследствии напишет его наставник, кардинал Мазарини: «Он будет великим королем: он никогда не говорит то, что думает».

По правилам дворцового этикета, дофин начал исполнять официальные обязанности наследника престола... сразу же после рождения. Уже 6 сентября младенец давал в своих покоях «аудиенцию» делегатам Парижского парламента. Присутствовавший на ней генеральный прокурор

Матье Моле рассказывал, что королевский отпрыск возлежал под большим балдахинном из вышитого цветами белого Дамаска на белой шелковой подушке, которую держала его няня. Перед его ложем находилась большая балюстрада, так что наследника престола можно было лицезреть лишь с двадцати шагов. Няня дофина сказала, что он открыл глаза, чтобы видеть своих верных слуг.

Маленький дофин буквально купался в родительской любви. Несмотря на рождение в 1640 году второго сына, Филиппа, ставшего впоследствии герцогом Анжуйским и Орлеанским, основное внимание король и королева уделяли своему первенцу. К сожалению, отец занимался его воспитанием недолго, он умер в 1643 году, когда сыну исполнилось всего пять лет. Мальчик вряд ли хорошо помнил его. Тем не менее несколько романтизированный образ отца остался в памяти будущего короля на всю жизнь и служил ему примером для подражания. Несмотря на то что для Людовика XIV был не приемлем стиль отцовского правления, при котором государственные дела всецело доверялись первому министру, он уважал его за то, что большую часть своей жизни тот провел на поле брани. Благодаря походной жизни Людовик XIII обладал многими «экстремальными» для монарха навыками: сам заправлял свою постель, был неприхотлив в еде и даже слыл

неплохим кулинаром. А еще старый король был страстным охотником, и это увлечение не мог не унаследовать его сын. Не случайно, возводя потом свою резиденцию в Версале, Людовик XIV велел обновить маленький охотничий домик отца, сделав его центром нового дворцового ансамбля. Многие унаследовал сын и из отцовского характера: был по натуре таким же углубленным в себя, склонным к скрытности и сдержанности во внешнем проявлении чувств. Видимо, именно этой глубинной связью отца и сына было продиктовано последнее желание Людовика XIV, чтобы его сердце было похоронено рядом с сердцем его отца, Людовика XIII.

Что касается отношения дофина к Анне Австрийской, то, по словам Ш. Перро, «не было сына, который выказывал бы большее почтение своей матери за всю свою жизнь». Королева заботилась не только о здоровье своего первенца, не отходила от его постели во время болезней, но и оказывала большое влияние на его нравственное воспитание.

История сохранила несколько противоречивых характеристик королевы Анны. Ее политический оппонент, кардинал де Рец, писал о ней весьма нелицеприятно и зло: «В ней было больше язвительности, чем высокомерия, больше высокомерия, чем величия, она была скорее

манерна, чем глубока, скорее неумела с деньгами, чем щедра, скорее привязчива, чем страстна, скорее несгибаема, чем горда, дольше помнила обиды, чем добрые дела, она в большей степени хотела выглядеть благочестивой, чем была ею, она была скорее упряма, чем тверда, скорее посредственна, чем талантлива». А вот живший долго при дворе герцог де Ларошфуко, напротив, считал, что «она была очень хороша собой, добра, нежна и очень галантна; в ней не было ничего фальшивого — ни в характере, ни в уме. Она отличалась большой добродетелью». Действительно, будучи очень набожным человеком, Анна Австрийская не пропускала ни одного поста или большого религиозного праздника, постоянно навещала монастыри, где еженедельно причащалась. К такой же регулярности в исполнении религиозных обрядов она с детства и на всю жизнь приучила и Людовика. Внучая сыну чувство королевского достоинства, она в то же время старалась не избаловать его и была с ним достаточно строга. Когда однажды девятилетний мальчуган от каприза перешел к дерзости, королева разгневалась и сказала: «Я вам покажу, что у вас нисколько нет власти, а у меня она есть! Уже давно вас не секли!» Людовик тут же бросился перед ней на колени и попросил прощения. Даже будучи взрослым человеком и полновластным правителем страны, он

по-прежнему побаивался упреков матушки за свои амурные похождения. Ее мучительную смерть от рака груди в начале 1666 года Людовик пережил как огромное горе.

По традиции того времени забота и воспитание мальчика до семи лет находились в основном в женских руках. С 1643 года он жил вместе с матерью в Пале-Рояле, в очень простой и скромной обстановке. А как только ему исполнилось семь лет, за воспитание и образование наследника взялись мужчины. Для этого ему был назначен специальный наставник. Им стал крестный отец Людовика, кардинал Мазарини, подбиравший дофину учителей и следивший за его обучением. Король и его брат Филипп учились по руководствам, составленным для них литератором и эрудитом Ламот-Левейе. Они получили основы географии, риторики, морали, экономики, политики, логики, физики. Воспитателями не были обойдены и такие предметы, как этикет и культура общения. Наряду с уроками танцев, верховой езды и фехтования Людовика обучали музыке: он научился играть на лютне, клавесине, а благодаря Мазарини пристрастился к игре на гитаре. Вместе с тем в программе обучения короля почти отсутствовали естественные науки, не был он знаком и с правоведением, философией, теологией и т. п.

Были у Людовика и учителя, которые посвящали его в секреты военного ремесла. Они обучали его стрельбе из мушкета и владению шпагой и пикой. Для отработки азов военного ремесла для него даже был построен небольшой форт, в котором он учился разбивать военный лагерь. Людовик очень любил лагеря, битвы, езду верхом и запах пороха. Будущий монарх знал, что Франция, как и любое другое государство, вряд ли обойдется без военных конфликтов и такие знания ему могут пригодиться. Его физическая форма восхищала современников даже в преклонные годы. По свидетельству герцога де Сен-Симона, король «очень любил свежий воздух и всякие телесные упражнения, пока был в состоянии заниматься ими. Превосходно танцевал, играл в шары, в мяч. Даже в пожилом возрасте оставался великолепным наездником... Он любил стрелять, и не было никого, кто стрелял бы так метко и с таким изяществом».

В перечень «обязательных предметов» для будущего монарха входило также обучение умению управлять страной, и для постижения его мальчика с детства приобщали к государственным делам: он присутствовал на заседаниях Государственного совета и парламента, выслушивал доклады чиновников. Своеобразной школой управления было для него и общение со своим главным

наставником — Мазарини. Кардинал, во многом разделявший суждение о том, что «политика — вот истинная грамматика, которую должны изучать короли», ежедневно — на практике — давал ему уроки «королевского мастерства», посвящая в тонкости дипломатии. Так что не прав был великий Вольтер, когда писал, что «Людовика XIV не учили ничему, кроме танцев и игры на гитаре». Другое дело, что сам подопечный не всегда добросовестно относился к учебе, и учителя неоднократно жаловались Мазарини, что дофин ленится на уроках. К тому же он не получил навыков самостоятельной работы с книгами. Возможно, что отсутствие интереса к чтению передалось ему от Анны Австрийской. Королева-мать тоже не любила читать, предпочитая абстрактному книжному знанию опыт и здравый смысл, и не приобщила к книжной культуре сына. Впоследствии Людовик XIV не раз сожалел об упущенных возможностях. Так, в 1694 году, обращаясь к воспитанницам Сен-Сира, он назвал себя «невеждой» и посетовал на то, что в годы своего детства «не получил хорошего воспитания». Видя недочеты в собственном образовании, он до конца своей жизни самостоятельно восполнял их, изучая историю, военное дело, литературу.

В тени всесильного кардинала

Согласно давней традиции, регентство при несовершеннолетнем короле Франции должна была осуществлять его мать. Людовик XIII никоим образом не мог эту традицию нарушить, но, испытывая неприязнь и недоверие к королеве, которую, как сестру испанского короля, подозревал в тайных сношениях со своим врагом — Испанией, он решил ограничить ее во властных полномочиях. По завещанию Людовика, после его смерти для управления страной при малолетнем короле должен был быть создан регентский совет, в котором Анне Австрийской отводилась роль рядового участника. Однако ей удалось при поддержке парижского парламента аннулировать завещание мужа и стать единоличной регентшей. Для этого 18 мая 1643 года Людовик XIV появился в парламенте, чтобы принять Акт справедливости. Выглядело это так: маленький король пролепетал несколько слов о том, «что он пришел в парламент, чтобы подтвердить свою добрую волю», а остальное за него сказал канцлер. Комментируя это событие, герцог Сен-Симон обвинял королеву в узурпации власти: «Король чуть ли не с рождения был обезволен коварством матери, которая сама хотела править, а еще более — своекорыстными интересами злокозненного министра, тысячекратно

рисковавшего благом государства ради собственной власти». С этим можно согласиться с единственной оговоркой: королева взяла реванш за долгие годы унижений со стороны мужа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после его кончины она решила наверстать упущенное и, питая абсолютную симпатию и доверие к кардиналу Мазарини, объединила с ним свои усилия по управлению страной. Так гордая испанка и хитрый итальянец фактически более чем на десятилетие оказались во главе Франции.

Кардинал Джулио Мазарини играл важную роль в государстве еще при Людовике XIII. Он стал одним из самых неожиданных и ценных «приобретений» для Франции, «преподнесенным» королю его главным министром Ришелье. Однако служить королю Мазарини было суждено меньше года, а всю остальную жизнь он провел во времена царствования его преемника, твердо держа бразды правления государством в своих руках.

Современники по-разному характеризовали Мазарини. Ришелье называл его «самым великим государственным человеком», а народ сочинял о нем массу оскорбительных и скабрёзных стишков и песен. Наиболее полную характеристику кардиналу дала королева Швеции Христина, одна из самых просвещенных женщин своего времени. Она написала о Мазарини следующее: «Это человек

осторожный, ловкий, тонкий, желающий, чтобы его считали придворным и иногда довольно хорошо изображающий царедворца; он умерен во всех своих страстях, вернее, можно сказать, что у него всего одна всеобъемлющая страсть: это его честолюбие. Все другие страсти он подчиняет ей, а любви и ненависти ровно столько, сколько необходимо, чтобы достичь цели, а хочет он одного — править. У него великие проекты, достойные его непомерного честолюбия, изворотливый, ясный, живой ум, обширнейшие знания в области всех дел света, я не знаю никого, кто был бы лучше информирован; он трудолюбив, усидчив и прикладывает невероятные усилия, чтобы сохранить состояние, и сделает все возможное, чтобы увеличить его».

Уставший в конце жизни от государственных забот монарх покровительствовал и доверял этому энергичному и умному человеку, с удовольствием и облегчением переложив на его плечи решение всех государственных дел. Именно Людовик XIII выпросил для него у Папы Римского кардинальскую шапку. К 1646 году Мазарини уже почти три года вершил судьбы страны, являясь премьер-министром, и осуществлял надзор за воспитанием наследника престола. Став регентшей молодого короля, Анна Австрийская предоставила

кардиналу неограниченные права, и он фактически стал единоличным правителем королевства.

У Мазарини было немало политических противников. Начавшаяся в 1648 году во Франции Фронда — мятеж крупной аристократии против правительственной власти — во многом была направлена именно против первого министра. В частности, герцог де Ларошфуко видел главную причину этой смуты именно во владычестве кардинала, которое «становилось нестерпимым». Он писал о Мазарини: «Были известны его бесчестность, малодушие и уловки; он обременил провинции податями, а города — налогами и довел до отчаяния горожан Парижа прекращением выплат, производившихся магистратом... Он неограниченно властвовал над волею королевы и Месье, и чем больше в покоях королевы возрастало его могущество, тем ненавистнее становилось оно во всем королевстве. Он неизменно злоупотреблял им в дни благоденствия и неизменно выказывал себя малодушным и трусливым при неудачах. Эти его недостатки вкупе с его бесчестностью и алчностью навлекли на него всеобщую ненависть и презрение и склонили все сословия королевства и большую часть двора желать перемен».

В отличие от других бунтов и восстаний, Фронда началась не с провинции, а с привилегированного Парижа, жители которого

никогда не облагались тальей — земельным налогом. Главной движущей силой этой гражданской войны стали буржуа. В числе ее зачинщиков были самые именитые граждане столицы: верхи судейского сословия, духовенство и представители знати. В этой опасной игре с властью был замешан и неугомонный брат Людовика XIII, принц Гастон Орлеанский.

Фронда началась зимой 1647—48 года, когда недовольные парижские рантье устроили беспорядки на улице столицы. За этим последовали возмущения должностных лиц судебного ведомства по поводу возможного снижения им жалованья. Следующими возмутителями спокойствия стали парламентарии, которые воспротивились созданию новых должностей. Дело в том, что королева, уверенная в авторитете своей власти, 15 января 1648 года в присутствии Людовика XIV объявила в парламенте эдикт о назначении двенадцати новых докладчиков, на что парламентарии согласия не дали. Между двором и парламентом началась трехмесячная «бумажная» война. За это время на сторону парламентариев встали счетная палата, палата косвенных сборов и Большой совет, которые заключили союз и пожелали заседать сообща в необычной ассамблее — палате Людовика Святого. Анна Австрийская усмотрела в ней «республику внутри монархии» и запретила ее созыв. Но

вопреки ее приказу парламент разрешил палате собраться. Ее депутаты выработали хартию, которая, однако, отстаивала скорее их собственное благо, нежели общественное. И Мазарини, желая не допустить беспорядков в столице, пошел на уступки, утвердив многие требования палаты, в том числе упразднил должности интендантов и уменьшил талью.

Однако парламент не успокоился на достигнутом. К новому наступлению на королевский двор парламентариев подстрекали советники Брюссель и Бланмениль. Королева приказала заключить их под арест и этим «подняла на ноги» весь Париж. За одну ночь город оброс баррикадами. На сторону парламента перешли члены магистратуры верховных судов и придворная знать, а также практически все принцы во главе с Гастоном Орлеанским. Еще одним зачинщиком смуты стал де Гонди, племянник архиепископа Парижа, которого потом называли «одним из главных виновников» того, что Франция была залита кровью в жестокой гражданской войне.

Больше всего фрондеров злило отношение к этим событиям малолетнего короля. Он вовсе не собирался принимать их сторону, а полностью поддерживал действия своей матери и крестного, послушно следуя всем их указаниям. Да и могло ли быть иначе? Ведь Людовику в то время было

только десять лет. Кроме того, нельзя не признать, что именно кардинал больше всего повлиял на становление его личности. Несомненным результатом воспитания Мазарини стали не только политические взгляды наследника французского престола, но и его художественные вкусы. К примеру, благодаря кардиналу он «заразился» любовью к итальянской культуре. Отсюда «выросло» не только его увлечение гитарой, но и преклонение перед итальянскими художниками, архитекторами, актерами. Одним из свидетельств тому впоследствии станет его приглашение в Париж легендарного архитектора Бернини и виртуоза того времени, гитариста Франческо Корбетта. Правда, не все, чему Мазарини желал научить своего воспитанника, было тому по душе. Так, стремясь приучить Людовика к экономии, кардинал ограничивал его карманные расходы до безобразия. Как писал в «Мемуарах» камердинер короля Лапорт, бывали случаи, когда Мазарини изымал у него уже выданные деньги. А Александр Дюма, ссылаясь на того же Лапорта, описывал и другие примеры скаредности кардинала: король вынужден был спать на одних и тех же простынях до той поры, пока они не приходили в негодность, ему часто отказывали в карете, а сорочки меняли так же редко, как и постельное белье. Однако с годами Людовик будет все больше ценить

Мазарини и детская нелюбовь к нему сменится дружеской привязанностью.

Во время драматических событий Фронды юный Людовик впервые столкнулся с предательством близких родственников, в частности двоюродных братьев и представителей знати. В результате мятежных действий под руководством Гастона Орлеанского, принцев Конти и Конде, герцога Бофора королевская семья вместе с несколькими министрами и придворными вынуждена была в ночь с 5-го на 6 января 1649 года бежать из Парижа в Сен-Жермен-о-Лэ. Но тамошний дворец был плохо подготовлен к пребыванию венценосных особ. Через некоторое время они вынуждены были вернуться в Париж, где Анна Австрийская отдала приказ об аресте главных вождей Фронды. 19 января 1650 года принцев Конде и Конти, а также герцога де Лонгвиля заключили в Венсенский замок. К королеве явился президент парламента с ходатайством об освобождении высокородных бунтовщиков. Присутствовавший при этом визите Людовик XIV был сильно возмущен увиденным и услышанным. После ухода президента парламента он сказал королеве: «Мама, если бы я не боялся прогневить вас, я бы трижды велел президенту умолкнуть и выйти».

Тем не менее принцы вскоре были освобождены по королевскому приказу. И способствовал этому Мазарини, находившийся тогда в изгнании. Предвидя новые беспорядки, он рассудил, что Конде может ему пригодиться для усмирения фрондеров. Однако парламент организовал новое наступление на королевский двор. В ночь с 9 на 10 февраля 1651 года король и регентша оказались фактически в заточении в собственном дворце и вынуждены были во второй раз тайно покинуть столицу. Вместе с матерью Людовик почти два месяца содержался под унижительным домашним арестом в Пале-Рояле. С тех пор он стал опасаться столицы и большую часть времени проводил в своих загородных резиденциях.

Эти трагические события, расколовшие страну и поставившие королевскую власть под угрозу, закалили характер юного короля. Он на своем опыте ощутил контраст между величием своего сана и реальной ограниченностью монаршей власти. Король-подросток увидел, как почтительно склонявшие перед ним головы парламентарии в то же время дерзко вырывали у его матери-регентши одну уступку за другой. Ему пришлось постранствовать по дорогам Франции, познав при этом страх и даже голод, — ведь Фронда, начавшаяся в Париже, быстро «расползлась» практически по всему королевству. В поездках по

стране он воочию убедился в хрупкости ее экономики, отягощенной войной с Испанией, в административной анархии, в тяжелом положении граждан, задавленных поборами. Все это глубоко запало в память юного короля и впоследствии нашло отражение в его подходе к решению внутривластных проблем Франции.

Опыт, полученный Людовиком XIV во время Фронды, заставил его быстро повзрослеть. К тому же 5 сентября 1651 года ему исполнилось 13 лет, и по государственному законодательству Франции он становился совершеннолетним. По этому случаю 7 сентября в Париже было устроено грандиозное празднество. В восемь утра король принял мать и членов семьи, пэров и маршалов, явившихся во дворец, чтобы его приветствовать. Потом королевский кортеж двинулся к зданию, в котором заседал парламент. Впереди процессии ехали два трубача и пятьдесят глашатаев в дорогих ливреях из шелка, бархата, парчи и кружев, расшитых жемчугом и бриллиантами. За ними двигались рейтеры короля и королевы, шли пешие лучники и знаменитая швейцарская сотня. В торжественной кавалькаде были губернаторы, рыцари Святого Духа, маршалы Франции, церемониймейстер, обер-шталмейстер, несущий королевский меч, длинные вереницы пажей и гвардейцев. Король, одетый в золотые одежды, изящно гарцевал на

лошади в окружении телохранителей, восьми пеших шталмейстеров, шести вельмож шотландской гвардии и шести адъютантов. Вслед за ним следовала нескончаемая вереница праздничных карет, в которых сидели королева, его младший брат, фрейлины, принцы и герцоги. Официальная церемония состоялась на заседании парижского парламента. Выступив на нем, король произнес краткую речь: «Господа, я пришел в свой парламент, чтобы заявить вам, что я, по закону моего государства, сам и в свои руки беру правление. Я надеюсь, что с Божьей милостью это управление будет милосердным и справедливым. Господин канцлер изложит мои намерения». После этого все присутствующие преклонили перед ним колени и поклялись в вечной верности королю. На этом юридически закончилось регентство Анны Австрийской, регентский совет был распущен, а герцог Орлеанский освобожден от должности главнокомандующего французской армией. Молодой король поблагодарил мать и попросил ее и далее наставлять его, сказав: «Я желаю, чтобы вы были в Совете после меня». Отныне король мог подписывать главные документы и назначать новых министров при доброжелательной поддержке Анны Австрийской. Официальное объявление совершеннолетия Людовика XIV стало поворотным пунктом в истории Фронды. Ведь теперь акции,

направленные против партии кардинала Мазарини, могли караться как государственная измена или преступление против Его Величества.

Впрочем, молодому королю тогда было не до кардинала. В 1652 году королевским войскам пришлось снова вести осаду своей столицы. В результате кровопролитных боев Фронда постепенно пошла на спад. Первыми о своей готовности встать на сторону двора заявили парламентарии. Единственным их условием было требование о повторном изгнании Мазарини. Хитрый итальянец, зная, что его вторая ссылка продлится не дольше первой, с легкостью на это согласился. В результате достигнутого соглашения королевский двор смог вернуться в столицу. Как писал новый военный министр Мишель Летелье, «почти все население Парижа пришло его встречать в Сен-Клу».

Теперь, когда прекратилось гражданское противостояние, парламент вернулся к своим обязанностям, а один из главных фрондеров, герцог Гастон Орлеанский, подписал документ о повинности и признании своей вины, можно было смело возвращать из изгнания кардинала. И 25 октября 1652 года Людовик XIV написал Мазарини: «Мой кузен, пора положить конец страданиям, которые Вы добровольно претерпеваете из-за любви ко мне». И кардинал снова занял свой пост у

королевского престола. Но оказалось, что теперь король вернул Мазарини лишь видимость власти. Он доверял своему премьер-министру в области внешней политики, дипломатии и военного дела. А вот что касается внутренней политики, финансов, управления и юстиции, то здесь действия кардинала вызывали у него недовольство. Особенно короля раздражал, как он писал потом в мемуарах, «беспорядок, царящий повсюду».

Большим событием в жизни молодого короля стало его торжественная коронация 7 сентября 1654 года в Реймсе. Она стала символом окончания внутренней смуты в королевстве и официальным закреплением правового контракта, объединявшего монарха с Богом, его народом и главными лицами в стране. На церемонии молодой король был, как никогда, сосредоточен, ведь ему предстояло дать клятву, традиционно произносимую при коронации всеми королями Франции, положив руку на Евангелие. В ней он клялся перед Богом даровать своим народам мир, справедливость и милосердие. Коронация сопровождалась традиционным помазанием короля святым маслом, сохраняемым в «святой ампуле», инвеститурой кольцом и мечом. По древнему преданию, все это должно было придать правителю особую харизму и способность излечивать больных. Через два дня после коронации две тысячи больных ожидали выхода к

ним короля в парке церкви Сен-Реми. Он касался их, произнося магическую формулу: «Король касается тебя, Господь излечивает тебя». Впоследствии Людовику XIV, как и его предшественникам, приходилось помногу раз повторять эту тяжелую церемонию.

При всем уважении и привязанности к Мазарини начиная с 1654 года, с момента коронации, Людовик XIV стремится постепенно выйти из тени всемогущего премьер-министра и сконцентрировать в своих руках всю полноту власти. Последним волевым решением кардинала, которому молодой король вынужден был подчиниться, стал его брак с испанской инфантой Марией Терезией. Он был продиктован внешнеполитическими обстоятельствами, сложившимися в конце 1660-х годов. Стремясь положить конец многолетней испано-французской войне, кардинал Мазарини добился подписания в ноябре 1659 года выгодного для Франции Пиренейского мира, по которому Испания уступила французской короне Руссильон и другие территории и признавала Эльзасские постановления Мюнстерского мира 1648 года. Именно этот договор и был скреплен брачным союзом французского короля с его испанской кузиной. Но, несмотря на красоту своей нареченной, он ни минуты не был в нее влюблен и на протяжении всей

супружеской жизни искал любовных развлечений на стороне. Они вошли в его жизнь рано, но по-настоящему сильная любовь впервые поразила его сердце накануне предстоящей свадьбы.

Любовная лихорадка

О любовных похождениях Людовика XIV слагали легенды, и, судя по историческим документам и воспоминаниям современников, они мало чем отличались от действительности. Уже в 15 лет этот красавец с темными локонами, правильными чертами лица, изящными манерами и величественной осанкой производил неотразимое впечатление на женщин. Недаром герцог де Сен-Симон писал, что «Людовик XIV с юных лет более чем кто-либо из его подданных создан для радостей любви». Однако количество его любовных связей, по меркам XVII века, не слишком отличалось от числа возлюбленных его деда Генриха IV, который был особенно влюбчив и не считал нужным соблюдать супружескую верность.

По преданию, первый урок любви Людовику преподала 42-летняя камеристка королевы, мадам де Бове. С тех пор юноша, охваченный любовной лихорадкой, отправлялся каждую ночь на завоевание очаровательных фрейлин. Узнав о его ночных визитах, бдительная мадам де Навай, под

надзором которой находились девушки, приказала замуровать потайной ход, которым он пробирался в их опочивальни, но юный король не стерпел вмешательства в свои любовные дела. Его новыми объектами стали дочь садовника и племянница Мазарини Олимпия. Особые знаки внимания последней из них, оказываемые Людовиком на виду у всего двора, даже породили слух о том, что она станет королевой Франции. И тогда Анна Австрийская, которая до этого терпеливо относилась к проказам сына, не на шутку рассердилась. Юной Олимпии было приказано удалиться из Парижа.

К 1658 году частые ночные похождения короля, истощая силы его неокрепшего организма, стали даже сказываться на здоровье. К тому же в июне он заболел тяжелой лихорадкой. 29 июня его состояние ухудшилось настолько, что пришлось послать за священником. Придя в себя после жара, Людовик увидел у своей постели семнадцатилетнюю Марию Манчини, еще одну племянницу кардинала, глаза которой были полны слез. В отличие от

Олимпии, она была некрасива: чернявая, с желтым цветом лица и большим ртом. Но в ее огромных темных глазах светилась такая любовь к нему, что король не смог остаться равнодушным к чувству девушки. После своего выздоровления он

пригласил Марию в Фонтенбло, где в течение нескольких недель они совершали вместе увеселительные прогулки по воде в сопровождении музыкантов. Людовик провозгласил ее королевой всех развлечений.

По возвращении в Париж Мария была на седьмом небе от счастья. «Я обнаружила тогда, — писала она в своих «Мемуарах», — что король не питает ко мне враждебных чувств, ибо умела уже распознать тот красноречивый язык, что говорит яснее всяких красивых слов. Придворные, которые всегда шпионят за королями, догадались, как и я, о любви Его Величества ко мне, демонстрируя это даже с излишней назойливостью и оказывая самые невероятные знаки внимания». Вскоре Людовик признался девушке в любви, назвал ее своей невестой, и с тех пор они стали неразлучны.

Его чувство к Марии было доселе неизведанным и таким крепким, что все бывшие любовные похождения казались ему пустым ребячеством. Как ни парадоксально, но королю, с легкостью побеждавшему любую понравившуюся женщину, теперь приходилось прилагать немало усилий, чтобы заслужить и удержать любовь итальянской дурнушки. Под влиянием этой образованной девушки, которая, по словам мадам де Лафайет, отличалась «необыкновенным умом» и знала наизусть множество стихов, не любивший

книги Людовик начал много читать. Он прочел Гомера, Петрарку, Вергилия, страстно увлекся искусством и открыл для себя новый мир, о существовании которого даже не подозревал, пока находился под опекой своих учителей. Стыдясь своего невежества по сравнению с ней, Людовик совершенствовал свои познания во французском языке и начал изучать итальянский. Но самым главным было то, что Марии удалось не только преобразить духовный мир короля, но и внушить ему мысль о величии его предназначения. Один из современников, Амедей Рене, писал, что именно она «пробудила в Людовике XIV дремавшую гордость; она часто беседовала с ним о славе и превозносила счастливую возможность повелевать. Будь то тщеславие или расчет, но она желала, чтобы ее герой вел себя, как подобает венценосной особе». Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что «короля-солнце» породила любовь. Хотя это лучезарное прозвище закрепится за ним гораздо позже, но сама идея «королевского солнца» укрепилась в его сознании во многом благодаря Марии Манчини.

В то время как Людовик грезил «о сладких объятиях» итальянки, которая день ото дня все больше расцветала и хорошела в лучах его любви, королева и кардинал полным ходом вели переговоры о его бракосочетании с испанской

инфантой. Им приходилось использовать все свое влияние на короля, чтобы он, как монарх, руководствовался прежде всего не чувствами, а интересами вверенной ему страны. Чтобы сломить упорство короля, настаивающего на своем «неподобающем» браке с Марией, Мазарини заклинал его расстаться с возлюбленной «в интересах Вашей славы, Вашего счастья, во благо Господа, во благо Вашего королевства». Но Людовик не слушал никаких доводов. Тогда кардинал встретился с племянницей. Он долго убеждал ее в том, что страсть Людовика к ней может иметь самые роковые последствия для королевства, и уговаривал расстаться с ним. В конце концов Мария, как человек умный и сведущий в делах политики, вынуждена была согласиться с кардиналом. Она написала дядюшке письмо, в котором отказывалась от дальнейших отношений с королем.

Эта новость повергла Людовика в полное отчаяние. Он не мог смириться с потерей Марии, слал ей умоляющие письма, подарки, но не получил от нее в ответ ни одной весточки. Тогда король подписал мирный договор с Испанией и дал согласие на брак с Марией Терезией. Королевскую свадьбу сыграли дважды: 3 июня 1660 года — в Фуэнтерабиа, на испанской территории, и 9 июня — в Сен-Жан-де-Лиз, на территории Франции. А 26

августа состоялся торжественный въезд новобрачных в Париж. В этот день, когда праздничные колокола гремели по всему королевству, Мария заливалась горячими слезами в маленьком городке Бруаже. Позже она написала в своих «Мемуарах»: «Я не могла думать, что дорогой ценой заплатила за мир, которому все так радовались, и никто не помнил, что король вряд ли женился бы на инфанте, если бы я не принесла себя в жертву...»

Мария Терезия отличалась на редкость спокойным нравом. Она не любила шумные увеселения, предпочитая им тихое уединение за чтением испанских книг. Она могла иногда всю ночь терпеливо ждать загулявшего мужа. А когда под утро или на следующий день забрасывала Людовика вопросами, то он в ответ только галантно целовал ей руки и ссылался на дела государственной важности. Каждую ночь он старался наведаться в спальню жены, чтобы соблюсти приличия. Его первое серьезное чувство к Марии Манчини было разбито, но жизнь продолжалась, и в ней было немало красавиц, способных и желающих его утешить. Так что любовная лихорадка, охватившая короля в юности, постепенно приняла хронический характер, и фаворитки, сменяя одна другую, на какое-то время завладевали его сердцем, оставляя при этом разум и

душу свободными. Со временем он научился отмерять границы влияния своих любовниц, не позволяя им ни в коем случае вмешиваться в дела королевства. Впоследствии Людовик XIV писал: «Давая волю своему сердцу, мы должны твердо держать под контролем свой разум, проводить четкую грань между нежностью любовника и решениями монарха, не допускать, чтобы возлюбленная вмешивалась в государственные дела и высказывалась о людях, которые нам служат». Надо отдать королю должное, он действительно никогда не отступал от этого принципа, выработанного на собственном опыте.

«Государство — это Я!»

Эта фраза, которую приписывают Людовику XIV, давно стала крылатой. Долгое время в этих словах усматривали лишь образец эгоцентризма, монаршего самомнения и вседозволенности. В действительности же она была адресована парламентариям и звучала так: «Напрасно вы думаете, что государство — это вы, нет, государство — это я!» Слова Людовика XIV очень точно выражали суть абсолютной монархии, воцарившейся в стране во время его правления. И она состояла отнюдь не в монополии короля на власть, а в укреплении ее в тех областях политики,

где еще недавно (стоит вспомнить события Фронды) она ставилась под сомнение. Поэтому все корпоративные органы, в том числе парламенты, при Людовике XIV по-прежнему участвовали в управлении страной, но были решительно отстранены от рассмотрения вопросов, традиционно составлявших их прерогативу. Король в этом процессе выступал лишь в роли собирателя прежних королевских полномочий, а не претендовал на новые. Кроме того, беря на себя функции по координации работы Государственного совета, департаментов и государственных секретарей, по принятию решений и по улаживанию споров между ними, он еще и публично признавал свой королевский долг перед государством и свою личную ответственность за действия правительства. Введя прямое правление монарха, Людовик XIV на протяжении 54 лет самостоятельного управления страной оставался лояльным к назначенным им министрам. За все эти годы он только шесть раз не был согласен с большинством совета министров.

Собственная внутривластная «программа» короля, по существу, сводилась к идее всемерного укрепления монархической власти. Ель управленческий аппарат состоял из шести министров, канцлера, генерального контролера финансов и четырех государственных секретарей. В

подчинении у них находилось 34 интенданта, которые были наделены обширными полномочиями на местах (в провинциях) и осуществляли выгодную для государства политику. При такой системе перед молодым энергичным монархом открывалось практически безграничное поле деятельности.

Все началось с кончины некоронованного правителя Франции — Мазарини. Он ушел из жизни в ночь на 9 марта 1661 года, немного не дожив до шестидесяти лет. Кардинал завещал своим наследникам необъятное по тогдашним меркам состояние — 35 миллионов ливров, нажитое весьма сомнительными способами. Но гораздо большим было его политическое наследие, оставленное Людовику XIV. По сути, именно он заложил и укрепил фундамент французского абсолютизма, обеспечил гегемонию Франции на континенте, сделав ее гарантом европейского равновесия. По меткому выражению Александра Дюма, «Мазарини оставил народу Франции мир, своей семье — богатство, а королю — королевство, в котором уже не было оппозиции — ни парламентской, ни церковной, ни феодальной».

Людовик XIV не только не преминул воспользоваться наследием своего воспитателя и премьер-министра, но подготовился к самостоятельному исполнению своих королевских обязанностей. Уже

на следующий день он созвал Государственный совет. Появившись в парламенте, молодой король заявил: «Я пригласил вас сюда вместе с моими министрами и государственными секретарями, чтобы сказать вам, что до сих пор я был доволен тем, как кардинал вел мои дела; но теперь пришло время взять их в свои руки. Вы будете помогать мне советом, если я вас об этом попрошу». Он запретил канцлеру скреплять печатью какие-либо документы без своего приказа, а государственным секретарям — отправлять послания без его согласия. Далее король сказал: «Положение меняется, в управлении моим государством, моими финансами и во внешней политике я буду придерживаться иных принципов, чем покойный кардинал. Вы знаете, чего я хочу; теперь от вас зависит исполнять мои желания». Комментируя это выступление, кардинал де Рец, ярый противник Мазарини, писал, что ему показалось, что «за плечом юного короля виднелась хитрая и насмешливая физиономия» его покойного премьера, по наущению которого и действовал король. Действительно, как стало известно историкам, именно Мазарини почти «приказал» Людовику XIV после его смерти взять бразды правления в свои руки.

Решение короля вызвало молчаливое изумление среди придворных и отчаяние и недоверие у тех, кто считал себя кандидатом на

вакантный пост премьер-министра. Ведь, как писала мадам де Лафайет, смерть Мазарини «давала большие надежды тем, кто мог претендовать на должность первого министра; они открыто полагали, что король, который пришел к власти, позволит им целиком распоряжаться как делами, касающимися его государства, так и делами, касающимися его особы, предавшись министру и не пожелав вмешиваться не только в дела общественные, но и в частные дела. Нельзя было уместить в своем воображении, что человек может быть столь непохожим на самого себя и что после того, как власть короля всегда находилась в руках первого министра, он захотел бы сразу взять обратно и королевскую власть, и функции премьер-министра».

Не назначив вопреки всеобщему ожиданию первого министра, Людовик XIV хотел перед всем миром подчеркнуть намерение самому использовать при решении государственно-политических дел принадлежащую короне власть. Можно сказать, он сам стал своим премьером. Одним из первых нововведений короля стала реорганизация Королевского совета, закончившаяся в сентябре 1661 года. Она была проведена, чтобы устранить из большой политики силы, которые во времена Фронды являлись серьезной проблемой для короны. В частности, в

работе отдела совета по делам правления больше не участвовали представители высшего дворянства, и проводился он только под непосредственным руководством короля.

Порядок своего единоличного правления Людовик XIV успел установить до 20 апреля — даты отъезда двора в Фонтенбло. Каждый придворный узнал о той роли, которая была ему предназначена. При этом король продемонстрировал незаурядное умение правильно выбирать министров и советников, что позволило ему не просто управлять страной, но и удерживать ее в периоды кризисов на позициях одного из самых могущественных европейских государств. По словам герцога де Сен-Симона, «его министры и посланники были тогда самыми искусными в Европе, генералы — великими полководцами, их помощники — выдающимися военачальниками». В первой половине правления Людовика XIV блеску его царствования во многом способствовали генеральный контролер финансов Жан Батист Кольбер, военный министр Лувуа, военный инженер Вобан, талантливые полководцы — Конде, Тюренн, Тесе, Вандом и другие. Поставив их на государственные посты, король тем самым возвеличил и укрепил как могущество государства, так и собственное положение, проявив при этом, по мнению английского историка Томаса Маколея,

сразу «два таланта, необходимых государю: хорошо выбирать сподвижников и приписывать себе львиную долю их заслуг».

Жана Батиста Кольбера рекомендовал Людовику XIV еще Мазарини, у которого тот управлял его частным имуществом. Короля подкупила его относительная скромность, а также честность, которую он выказал буквально на следующий день после смерти кардинала. Кольбер сообщил ему о том, что Мазарини зарыл в разных местах до 15 миллионов наличными, не указав эту сумму в завещании. Из этого Жан Батист сделал вывод о намерении Мазарини предоставить эти деньги казне, сундуки которой в то время были пусты. Несомненно, финансист проявил верность своему новому господину, сообщив ему об оставленном богатстве, а не присвоив его себе. И Людовик оценил ее по достоинству, назначив Кольбера главой финансового управления страны. Вскоре Кольбер стал центральной фигурой правительства, его по праву считают одним из лучших администраторов и политиков в мировой истории. Он прекрасно умел, учитывая стремление короля самому править страной, поддерживать в нем убежденность в том, что все важные решения тот принимает единолично. При этом главный финансист не боялся оставаться в тени своего венценосного господина: он служил ему с такой

преданностью, с какой собака служит своему хозяину, и питал к нему любовь, граничившую с обожанием.

Занимая один из самых высоких постов при дворе, Кольбер, конечно же, не мог не участвовать в придворных интригах. Он вел нескончаемую «тихую» войну то со своим предшественником, обер-интендантом финансов Никола Фуке, то с военным министром Лувуа. В большинстве случаев победа в этой борьбе оставалась на его стороне, и он неуклонно шел к осуществлению намеченных им трех целей: приведению в порядок финансов страны, поднятию французского земледелия и развитию торговли и промышленности.

Благодаря Кольберу во Франции была введена строгая отчетность в поступлении и расходовании государственных доходов, привлечены к уплате земельного налога все незаконно уклонявшиеся от него, увеличены налоги на предметы роскоши, за счет чего наполнялась королевская казна. Чтобы сократить постоянный разрыв между государственными доходами и расходами, он серьезно занимался сокращением долгов и оздоровлением бюджета за счет развития производительных сил страны в сфере земледелия, торговли и промышленности. Он покровительствовал различным торгово-морским

компаниям, основывал государственные мануфактуры, организовывал колонизацию земель.

Для активизации внутренней торговли Кольбер приказал проложить дороги и уничтожил таможи между отдельными провинциями. Он обеспечил создание большого торгового и морского флота, способного соперничать с английским и голландским, основал Ост-Индскую и Вест-Индскую торговые компании, а в Америке, в нижнем течении Миссисипи, при нем была основана французская колония, названная в честь короля Луизиадой. Немало внимания главный финансист Людовика XIV уделял и развитию искусства и науки: снаряжал исследовательские экспедиции, приумножал фонды королевской библиотеки и ботанического сада, основал Академию наук, Академию пластического искусства и музыки и другие. Фактически этот талантливый и энергичный человек управлял всеми сферами жизни страны, кроме военной и внешней политики.

Все меры, предпринимаемые Кольбером в течение тех 18 лет, когда он занимал пост министра финансов, приносили государству громадные доходы. Но беспрестанные разрушительные войны, которые вел Людовик XIV, а также непомерные расходы на содержание его двора и строительство дворца в Версале уничтожили большинство

достижений выдающегося финансиста. Чтобы наполнить королевские сундуки казной, ему приходилось снова и снова поднимать налоги, вызывая тем самым недовольство масс, которое фокусировалось на его персоне. Да и сам король в конце концов перестал благоволить к своему министру, так что последние годы жизни стали для Кольбера были нелегкими — его блестящая карьера разрушилась, его «тихая» война с Лувуа закончилась поражением.

Кольбер стал распоряжаться финансовым хозяйством Франции с 1665 года. До этого финансами страны занимался еще один ставленник Мазарини — Никола Фуке, не менее блестящий финансист того времени, человек умный и честолюбивый. Возможно, он так и продолжал бы исполнять свои обязанности, если бы не перешел дорогу сразу двоим — королю и Кольберу. Фуке, пользовавшийся доверием не только у банкиров Франции, но и других стран Европы, имел поистине сверхъестественные способности получать огромные кредиты. Его возможности по добыванию денег казались неисчерпаемыми. Слово фокусник, он с легкостью затыкал одну дыру в государственном бюджете за другой. К примеру, только на первые шесть месяцев 1661 года казне потребовалась огромная по тем временам сумма в 20 миллионов ливров, и Фуке сумел ее раздобыть.

В начале единоличного правления Людовика XIV положение суперинтенданта Фуке казалось весьма прочным. Король не только доверял ему свою казну, но и поручал ряд сложных дипломатических переговоров, в частности по достижению соглашения о женитьбе короля Карла II на португальской принцессе, по решению вопроса о продаже англичанами Дюнкерка Франции. Все было бы хорошо, если бы не безграничная страсть Фуке... к прекрасному. По словам историка Жоржа Ленотра, «он собирал роскошную мебель, редчайшие ткани, прославленные картины, знаменитые античные мраморы» и не просто коллекционировал всю эту красоту, но и гениально умел ошеломить ею. Именно таким, поражающим самое смелое воображение, стал его дворец в Во с несравненным по красоте и масштабам парком. В один из жарких августовских дней 1661 года сказочное поместье посетил король со своей свитой. Фуке встретил гостей с необычайной пышностью. Достаточно сказать, что, когда их кареты ехали по центральной аллее парка, по обеим сторонам ее сто фонтанов различной высоты образовали две прохладные водяные стены. Для ужина, поражавшего гастрономической роскошью и обошедшегося Фуке в непостижимую сумму — 120 тысяч ливров, было накрыто 80 столов, сервированных 500 дюжинами

серебряных тарелок и 36 дюжинами блюд. А на стол Людовика XIV был поставлен сервиз из массивного золота. Но вместо восхищения он вызвал только раздражение королевской семьи, ведь ее собственная золотая посуда была переплавлена для оплаты расходов на Тридцатилетнюю войну. Потом было дано представление в зеленом театре, а после него устроен фантастический фейерверк.

Уезжая из Во, Людовик XIV холодно поблагодарил хозяина и сказал лишь: «Ждите от меня известий». Видимо, уже тогда Фуке понял, как был неосторожен в демонстрации своего богатства. Он не учел, что его желание произвести на короля благоприятное впечатление только усилило в том чувство ревности и враждебности. Ведь король сам желал создать новый стиль, новую архитектуру и новую моду, которые были бы примером для других, а его подданный его опередил. К тому же на фоне роскоши поместья в Во стала очевидна относительная «бедность» королевского дворца. Неслучайно, описывая великолепие особняка суперинтенданта, Кольбер подчеркивал: «Все эти здания, мебель, серебро и другие украшения были предназначены для каких-то финансистов и откупщиков, на это тратили немислимые деньги, в то время как здания Его Величества часто ремонтировались с запозданием из-за нехватки

средств, королевские дома почти не имели обстановки и для спальни короля не нашлось даже пары серебряных подставок под поленья». Тем самым Фуке как будто осмелился поставить себя выше монарха.

Кроме того, суперинтендант позволил себе вторгнуться в святая святых — интимную жизнь короля. Он предложил его фаворитке Луизе де Лавальер 200 тысяч франков за политическое влияние на Людовика. Но оскорбленная девушка категорически отказалась. Тогда Фуке, рассыпаясь в любезностях, стал говорить с ней о бесчисленных и неоценимых достоинствах ее венценосного возлюбленного, чем вызвал слепую и жесткую ревность у короля. Еще одной роковой ошибкой суперинтенданта стала продажа господину д'Арле должности генерального прокурора парижского парламента. Это делало его почти неуязвимым для системы правосудия, но только не для гнева короля. Оказывается, Людовик XIV уже давно собирал на Фуке компромат: «Недолго я находился в неведении его недобросовестности. Он не мог остановиться и продолжал свои непомерные расходы, строил укрепления, украшал дворцы, интриговал, передавал своим друзьям важные должности, покупаемые на мои средства, — и все это в надежде вскоре стать суверенным правителем государства». Последнее обстоятельство особенно

важно: оказывается, король опасался, что его самый близкий подданный может замахнуться на его трон.

В сентябре 1661 года Фуке был арестован, о чем Людовик XIV тут же сообщил нескольким знатым вельможам: «Господа, я велел арестовать суперинтенданта. Наступило время, когда я сам стал заниматься своими делами. Я решил арестовать его четыре месяца назад. Если я откладывал исполнение этого намерения до сегодняшнего дня, то лишь для того, чтобы нанести удар в такой момент, когда он сочтет себя наиболее почитаемым как государством, так и собственными друзьями». Придворные с ужасом вдруг увидели истинный характер монарха, в котором смешались скрытность, злопамятность и зависть, и долго потом помнили этот наглядный урок, который преподавал им «король-солнце». Однако, им, как и суду, пришлось признать, что многие обвинения против Фуке, который нередко путал государственную казну со своей собственной, были абсолютно справедливы. Ему был вынесен жестокий приговор — изгнание. Узнав о нем, король гневно сказал: «Если бы его приговорили к смерти, я позволил бы ему умереть». Людовик не мог допустить изгнания из страны человека, который знал слишком много «секретов государства», и поэтому заменил его пожизненным заключением. Остаток своей жизни Фуке пришлось

провести вдали от своего сказочного поместья, в мрачной тюрьме маленького городка Пиньероля. Многие историки сегодня убеждены, что именно суперинтендант Людовика XIV был тем самым загадочным узником в «железной маске», о котором на протяжении трех столетий было сложено множество легенд.

После истории с Фуке уже никто из придворных не рисковал открыто соперничать с королем. Они воочию убедились в том, что Людовик XIV способен взять все бразды правления в свои руки и действовать быстро и энергично. Тем не менее королю все же приходилось сталкиваться с самоуправством некоторых министров, особенно военного, маркиза Франсуа Мишеля ле Телье де Лавуа, инициативность которого не всегда совпадала с пожеланиями Людовика. Будучи достаточно квалифицированным военным специалистом, он в то же время в качестве одной из основных мер при проведении внешнеполитических акций считал жестокость. Поэтому он часто настаивал на проведении репрессий на завоеванных землях. Именно по его приказу французскими солдатами был сожжен германский Пфальц, такую же участь он уготовил и Триру. Но король дважды решительно воспрепятствовал ему в этом. Не смирившись с отказом, Лувуа решил поставить его перед

свершившимся фактом, сказав, что приказ об уничтожении города уже отдан. Разгневанный Людовик с каминными щипцами в руках бросился на него и под страхом смерти потребовал немедленно остановить кровавую расправу.

Вместе с тем король хорошо понимал, что талантливый Лувау немало способствовал престижу французского государства на международной арене, ценил его как человека, который реформировал французскую армию. Ведь это именно он с одобрения Людовика XIV ввел рекрутские наборы солдат, создав тем самым постоянную армию, численность которой в военное время достигала 500 тысяч человек — непревзойденный по тем временам показатель в Европе. В ней царила образцовая дисциплина, новобранцы систематически обучались, а каждый полк имел свое, особое обмундирование. По инициативе Лувау использовавшаяся до того на вооружении пика была заменена штыком, привинченным к ружью, построены казармы для постоянного проживания солдат, провиантские магазины и госпитали, учреждены корпус инженеров и несколько артиллерийских училищ. А еще при нем по проекту талантливого инженера Вобана было возведено более 300 (!) сухопутных и морских крепостей, проводились каналы, сооружались плотины. Но, несмотря на все эти

достижения, Людовик к концу 1680-х годов накопил немало поводов для недовольства своевольным министром. По словам Сен-Симона, в тот самый день, когда пятидесятилетний Лувуа скоропостижно скончался, король велел приготовить приказ о его аресте и заточении в Бастилию.

Существенные изменения при Людовике XIV претерпело и управление провинциями. Король лишил там властной базы губернаторов — традиционных представителей короны, принадлежавших к высшему дворянству. Теперь они могли только с согласия короля ездить в управляемые ими области, а многие их обязанности были переданы королевским интендантам, которые сыграли неоценимую роль в концентрации власти и усилении авторитета короля в провинциях.

Абсолютную власть государя и полное подчинение ему подданных Людовик XIV считал чуть ли не Божьей заповедью. Он говорил: «Во всем христианском учении нет более четко установленного принципа, чем беспрекословное повиновение подданных тем, кто над ними поставлен». Но, требуя повиновения и должного исполнения своих обязанностей от других, Людовик XIV был достаточно требователен и к самому себе. Свое «королевское ремесло» он исполнял добросовестно. В его представлении оно

было связано с постоянным трудом, с необходимостью церемониальной дисциплины, сдержанности в публичном проявлении чувств, строгого самоконтроля.

Даже развлечения его были во многом государственным делом, их пышность поддерживала престиж французской монархии в Европе. Обычно в определенные дни недели неукоснительно проходили регулярные заседания различных секций Королевского совета. Лишь к концу правления Людовика XIV ритм этих заседаний замедлился, и он стал бывать на них все реже и реже. Но даже когда участие короля в государственных делах было минимальным, как в случаях с решением специфических экономических вопросов, главный финансист страны Кольбер всегда подчеркивал личную его заинтересованность в этих вопросах. И подданные воспринимали это как возвращение к нормальному правлению после полувекового засилья первых министров и фаворитов. Так что самостоятельное правление Людовика XIV в целом воспринималось современниками с одобрением.

«Я слишком любил войну»

Если во внутренней политике страны Людовик XIV опирался на министров и советников

и согласовывал с ними принимаемые решения, то во внешней политике вся ответственность за курс государства лежала только на нем. Это, впрочем, не исключало того, что время от времени тот или иной министр начинал играть очень большую роль в процессе регулирования международных отношений.

В годы правления Людовика XIV эта политика носила по преимуществу экспансионистский характер. Король нередко предпринимал военное вторжение на территории соседних государств без какой-либо правовой базы. Поэтому во второй половине XVII и начале XVIII века Франция почти непрерывно находилась в состоянии войны.

Первым военным конфликтом, в который он вверг страну, стала борьба за Испанские Нидерланды (1660 — начало 1680-х гг.). После женитьбы на испанской инфанте Марии Терезии, ссылаясь на каноны деволюционного (наследственного) права, Людовик XIV предъявил претензии на испанское наследство своей жены. Дело в том, что в их брачном договоре указывалось, что Мария должна будет отказаться от территориальных претензий, если получит значительное приданое. А поскольку таковое отсутствовало, то Людовик XIV решил добиться справедливости силой. В 1667 году он отправил в

Нидерланды (Соединенные провинции) свои войска, которые в мае того же года заняли часть Фландрии и Геннегау, а в феврале 1668-го оккупировали Франш-Конте. Людовик сам участвовал во всех тяготах этого военного похода, ведя при этом жизнь солдата. Согласно Аахенскому миру, подписанному в мае того же года, Франция сохранила за собой 11 городов во Фландрии, в том числе Лилль, но вынуждена была вернуть Испании Франш-Конте.

Однако постоянные столкновения между Соединенными провинциями и Францией продолжались. Так, в 1672 году Людовик XIV со своим войском перешел через Рейн и в течение шести недель захватил половину провинций, после чего с триумфом вернулся в Париж. В 1674 году король направил на территорию Соединенных провинций уже три большие армии: с одной из них он лично вновь занял Франш-Конте, другая, под командой принца Конде, победила при Сенефе, а третья — во главе с Тюренном — опустошила Пфальц. В 1676 году король с новыми силами явился в Нидерланды и завоевал ряд городов. В результате этих походов вся страна между Сааром, Мозелем и Рейном была превращена в пустыню. Только вследствие неприязненных действий со стороны Англии он в 1678 году заключил Нимвегенский мир, по которому за Францией были

закреплены большие приобретения в Нидерландах и весь Франш-Конте.

Помимо территориального расширения, одним из результатов этой войны стало усиление могущества Франции на континенте. Это насторожило не только ближайших ее соседей — Испанию и Нидерланды, но и другие европейские страны. Пытаясь остановить дальнейшую экспансию Франции в Западной Европе, ряд государств (Испания, Нидерланды, Швеция, Бавария, Пфальц, Саксония и Священная Римская империя) заключили в 1686 году союз, получивший название Аугсбургской лиги. В 1689 году к ней присоединилась и Англия. На протяжении 1688–1697 годов Лига вела с Францией войну за так называемое Пфальцское наследство, вошедшую в историю под названием Девятилетней войны. Поводом для нее послужили притязания на Пфальц, предъявленные Людовиком XIV от имени своей невестки Елизаветы Шарлоты Орлеанской, состоявшей в родстве с умершим незадолго перед тем курфюрстом Карлом Людвигом. Заключив союз с курфюрстом кельнским Карлом Эгоном, французский король приказал своим войскам занять Бонн и напасть на Пфальц, Баден, Вюртемберг и Трир. В начале 1689 года они опустошили весь Нижний Пфальц. Но, несмотря на все эти победы, Людовик XIV был не готов к длительным военным

действиям против европейской коалиции. Перед лицом изменений в европейской расстановке сил он лишь хотел превентивным ударом добиться долговечного владения предоставленными ему на 20 лет областями из пфальцского наследства. Однако он недооценил решимость европейских государств, которые 28 мая 1692 года почти полностью уничтожили французский флот.

Эта война принесла Франции большие трудности, поскольку по времени совпала с усиливавшимися в стране экономической депрессией и демографическим кризисом, вызванными катастрофическим неурожаем 1693 года. Потери населения из-за, так называемого кризиса пропитания были огромными. Сразу после начала войны дефицит французского государственного бюджета значительно увеличился и достиг к моменту ее окончания огромной цифры — 138 миллионов ливров. Страна была истощена и стала практически неплатежеспособной. Учитывая исключительно высокую цену этой долгой войны, Людовик XIV не только прилагал усилия к скорейшему заключению мира, но и впервые решился пойти на значительные уступки. По мирному договору 1697 года, подписанному в Рисвике, он отказался от большей части территорий, в частности, уступил герцогство Лотарингское сыну Карла V Леопольду и

реституировал места в Южных Нидерландах и Люксембурге за Испанией, но все же сохранил за Францией Страсбург и другие земли в Эльзасе. В условиях создавшегося к тому времени баланса сил в Западной и Центральной Европе Людовик XIV вынужден был считаться с тем, что внешнеполитическое влияние Франции уменьшается, а также учитывать в своих политических амбициях экономические и социальные нужды страны.

Но, не успев почувствовать облегчения после окончания одной войны, всего через пять лет Франция оказалась на пороге новой, самой длительной и тяжелой из всех войн, что велись Людовиком XIV. В результате ее все признаки улучшения финансово-экономической ситуации в стране были сведены на нет. Новая война за Испанское наследство, которая длилась с 1701-го по 1714 год, стала неизбежной после кончины в ноябре 1700 года испанского короля Карла II, бывшего шурином Людовика XIV. Но еще задолго до этой смерти, наблюдая за агонией монарха, европейские правители начали делить богатый «испанский пирог». Венские Габсбурги надеялись, что именно их представитель станет полным наследником королевства, а Англия и Франция предполагали, что произойдет его раздел. Карл II ненавидел Людовика XIV, но и австрийцев не

жаловал. Чтобы никого из претендентов «не обидеть», он еще в 1698 году сделал наследником своего внучатого племянника Иосифа Фердинанда, сына Баварского курфюрста, который не был ни Габсбургом, ни Бурбоном. Но в феврале следующего года тот неожиданно умер. В числе претендентов остались только двое: эрцгерцог Карл Габсбург, племянник короля Испании, и Филипп де Бурбон, герцог Анжуйский, двоюродный внук Людовика XIV.

После смерти баварского наследника начались долгие переговоры о разделе Испанского наследства между двумя государствами. Арбитром на них выступал английский король Вильгельм III. Однако умирающий Карл II твердо стоял на том, что, к кому бы не перешло королевство, главным условием наследования является его целостность и неделимость. Сначала он подписал завещание в пользу Карла, но потом, поддавшись уговорам своего советника кардинала Портокарреро, изменил его в пользу Филиппа, но с условием, что обе бурбонские монархии (Испания и Франция) не должны слиться в одно государство. Комментируя это решение, маршал де Таллар писал: «Новость о завещании в пользу герцога Анжуйского разорвалась, как бомба, в Мадриде 2 ноября 1700 года и привела в замешательство австрийскую партию, но вызвала всеобщее удовлетворение

испанцев». Действительно, нового короля, Филиппа V, встретили в Испании очень радушно. Современники даже отмечали, что «по его прибытии собралась такая толпа народа, что шестьдесят человек оказались затоптанными насмерть». Но с началом его правления у испанских придворных стало возникать недовольство и раздражение в связи с тем, что на многие руководящие посты в государстве король назначал французов, советников своего деда.

Людовик XIV не мог не воспользоваться выгодной расстановкой сил. Согласно грамотам, зарегистрированным парижским парламентом, 1 февраля 1701 года Филипп V, являясь теперь испанским королем, сохранял за собой право наследования французского престола. Поэтому уже весной 1701 года совместно с войсками Испании французы оккупировали нидерландскую крепость и выгнали оттуда голландских наемников. Такое развитие событий не могло не насторожить Вильгельма III и его союзников, которые начали открыто формировать новые полки, готовясь к войне. Но если английский король мог мобилизовать 100 тысяч солдат и его союзники столько же, то король Франции уже имел 200 тысяч хорошо обученных воинов, которыми командовали талантливые полководцы, прославившиеся в предыдущей военной кампании. То же можно было

сказать и о флоте: Англия имела всего 150 военных кораблей, к которым могли присоединить свои суда Нидерланды, а флотилия Франции насчитывала 206 кораблей, к которым готова была присоединить свой флот Испания.

Первые три года этой войны продемонстрировали превосходство Франции и Испании. Во многом этому способствовал военный талант герцога Вандомского, двоюродного племянника Людовика XIV, одержавшего целый ряд ярких побед. 26 июля 1702 года его войска нанесли поражение противнику при Санта-Виттории, 15 августа — при Луццаре, 26 октября 1703 года — при Сан-Себастьяне, 16 августа 1705 года — при Кассано, 19 апреля 1706-го — при Капъчинато. В некоторых из этих сражений принимал участие и сам Филипп V, который не рисковал своей жизнью, как и его великий дед. А победа французского флота над британским при Велес-Малаге 24 августа 1704 года помешала Англии превратить Средиземное море в «британское озеро».

Людовик XIV открыто радовался успехам своей армии и оставался невозмутимым, если с военного театра приходили плохие новости. Одной из них стала высадка в 1705 году войска габсбургского эрцгерцога в Испании и присоединение им к своей державе Жероны и

Барселоны. Он наблюдал за военными действиями из Версаля, заботясь о поддержании морального духа страны, духа патриотизма. Но война требовала прежде всего материальных средств, а их в казне было недостаточно. Теперь уже было мало того принципа революционного налогообложения, который Людовик XIV ввел в середине Девятилетней войны. Понимая, что простой люд страны находится на пределе своих возможностей, король решился на установление фиксированного налога на доходы. Таким образом, к необходимым финансовым жертвам было привлечено дворянское сословие.

Хотя в 1704 году маршал Франции Лафайет и герцог Вандомский одержали новые победы на полях сражений, ситуация в Баварии резко изменилась не в пользу Франции. Французы не смогли остановить продвижение герцога Мальборо, и он беспрепятственно опустошал завоеванные ими ранее земли. А 13 августа 1704 года ему удалось разбить в битве при Хехштеде, которая длилась в течение всего дня, 50-тысячную армию курфюрста Баварского, графа де Таллара и де Марсена. Как сказал маркиз Данжо, «король переносит это несчастье с невообразимой твердостью».

1705 год стал переломным в ходе этой войны. Сначала армии Людовика XIV, несмотря на неудачи, оправились и даже перешли в

наступление. На севере маршал Виллар наносил поражение за поражением герцогу Мальборо и осуществил удачный поход в Германию. Герцог Вандомский смог удержать до весны Италию, правда, с апреля по сентябрь его преследовали неудачи. Людовик XIV отозвал его и перебросил на защиту тех земель, которые еще остались от Нидерландов. Но после отъезда герцога из Италии Франция потеряла Миланскую провинцию, Пьемонт и Савойю. В сентябре пришли тревожные новости из Турина, где принц Евгений Савойский разбил войска герцога Орлеанского, племянника короля. Потом один за другим пали такие опорные пункты французской армии, как Мантуя, Модена, Касале, Кивассо.

Следующие два года армии противников сражались с переменным успехом, но к зиме 1709 года Франция подошла с отчаянным военным положением, пустой казной и желанием мира на любых условиях. В историю страны она вошла как «грозная зима» — из-за очередного неурожая, катастрофического голода и лютых морозов. По свидетельствам современников, с 5 января по 2 февраля того года от холода «только в одном Париже умерло двадцать четыре тысячи человек». Жизнь столицы замерла. Не лучше было и в провинциях, а вскоре и все королевство перешло на режим чрезвычайной ситуации. По приказу короля

были введены меры, которые помогали преодолеть в стране голод и связанную с ним волну бунтов, грабежей и мародерства. В их числе было перераспределение запасов зерна в городах и селах в пользу тех местностей, которые особенно пострадали от неурожая, ужесточение борьбы со спекулянтами, устройство сети приютов и домов призрения для бедняков, введение строгого режима экономии, в том числе и при дворе. Людовик XIV, как это уже было в 1689 году, вновь отослал на монетный двор свой золотой сервиз, тарелки, блюда и окладные венцы. Он призвал духовенство и придворных последовать своему примеру, и те также несли свою серебряную посуду и украшения, чтобы оказать помощь голодающим.

Чтобы помочь накормить народ, военно-морской флот занялся доставкой зерна из других стран. Все эти усилия, а также урожай 1710 года наконец помогли победить голод. А вот одержать победу в войне, похоже, было уже невозможно. Оставалось лишь надеяться на скорейшее заключение мира.

Переговоры о мире Людовик XIV доверил министру иностранных дел маркизу де Торси, который слыл талантливым дипломатом и переговорщиком. За три недели, которые тот провел за столом переговоров в Гааге, карта Европы была перекроена много раз. В результате

долгих дебатов было выработано сорок пунктов, названных «гаагскими прелиминарными условиями». Большинство из них были унижительными для Франции. Самым оскорбительным для Людовика XIV стало требование признать эрцгерцога Карла королем Испании. Ему давалось два месяца на то, чтобы Филипп Анжуйский покинул трон, а французские войска были отозваны с полей сражения. Кроме того, Франция должна была отдать Кельн, Страсбург, Ландау и Брейзак, сохранить в Нижнем Эльзасе свои права только на «префектуру Десяти городов», ликвидировать все укрепления Дюнкерка и согласиться на торговый договор, выгодный Англии. А еще Людовика XIV обязывали признать королеву Анну, дочь Якова II Стюарта, и протестантское наследование в Англии. В обмен Франция получала лишь перемирие... на два месяца. Торси, уполномоченный вести переговоры от имени короля, знал одно — Франции нужен мир. Но он также хорошо знал предел уступкам, на которые был готов пойти король. И когда коалицианты потребовали, чтобы любящий дед лишил владений ни в чем не повинного внука, Торси отказался дать согласие на это.

Доведенный до крайней степени унижения такими условиями, Людовик XIV решил обратиться к своему народу с письмом-воззванием. В нем, в

частности, говорилось: «Чтобы установить этот мир, я уже принял условия, которые прямо противоположны безопасности моих приграничных провинций, но чем больше я выказывал сговорчивости и желания рассеять подозрения моих врагов, которые делают вид, что сохраняют эти подозрения по отношению ко мне, моей силе и моим замыслам, тем больше они предъявляли требований... Хотя я разделяю все то горе, которое война принесла моим подданным, проявившим такую верность, и хотя я показал всей Европе, что я искренне желал бы дать мир моим подданным, я убежден, что они сами воспротивились бы получить этот мир на тех условиях, которые в равной мере противоречат справедливости и чести французской нации». Заканчивалось это письмо призывом добиваться мира новыми усилиями. И французы повсеместно откликнулись на призыв короля. Они сумели мобилизовать свои силы и за три месяца изменить положение на полях сражений в пользу своей страны.

По приказу короля командующим большой фландрской армией был назначен Вилл ар. Эти силы должны были остановить вражеское вторжение на территорию Франции. Маршал хотя и отличался неумным тщеславием, но был храбр, блестяще умел вести наступление и увлекать за собой людей. Прибыв к войскам, он в первую

очередь накормил солдат, а затем сделал все, чтобы поднять их моральный дух. И уже 7 августа 1709 года они одержали победу на Каталонском фронте, а 26 августа — при Румерштейне. Затем последовал еще ряд победных сражений, в результате которых французы овладели Бриансеном и Жероной. Но самой знаменитой стала битва при Мальплаке, которая состоялась 11 сентября. В ней приняла участие вся французская военная элита: старые полки Пьемонта, Наварры и Пикардии, французская и швейцарская гвардии и кавалерия королевского дома. В результате сражения потери армии коалиции составили более 20 тысяч человек, что вдвое превышало потери армий Виллара. За удачно проведенную кампанию 1709 года Людовик XIV по достоинству вознаградил маршала, присвоив ему титул пэра.

Еще большее значение имела битва 10 декабря 1710 года при Вильявисьосе. Блистательную победу в ней одержали полки герцога Вандомского. Впоследствии он писал об этом событии в своей реляции: «Никогда не было для армии короля более удачного сражения, чем сражение при Вильявисьосе, которое принесло полную победу; эта огромная армия, которая дошла до Мадрида и создавала угрозу оккупации для всей Испании, теперь полностью разбита». Это поражение лишило эрцгерцога Карла последней

надежды на испанский престол. А в апреле следующего года после смерти своего старшего брата Иосифа I он стал его преемником на Австрийском престоле. В этой ситуации, не желая объединения под его началом двух монархий, теперь уже английские дипломаты стремились к заключению мира с Францией.

1712 год также ознаменовался для Франции серьезными военными и дипломатическими успехами. Благодаря таланту флотоводца Жана Батиста Дюкасса она одержала несколько значительных побед на море. Сам Людовик XIV в тандеме с маркизом де Торси, в котором гибкость дипломата удачно сочеталась с твердостью характера, продолжал вести тайные переговоры с представителями Анны. В результате между ними был подписан договор о перемирии, который лишил принца Евгения Савойского поддержки Англии. Теперь дело оставалось за окончательным, решительным сражением.

Людовику XIV первому пришла в голову мысль атаковать Денен. Но Виллар осуществил этот замысел, не дожидаясь его приказа. Его кавалерия шла в атаку, как на парад, а сам он несся впереди в накидке из буйволово́й кожи, «приносящей счастье». Войска принца Евгения, потерпев сокрушительное поражение, вынуждены были снять осаду Ландреси и уклониться от дальнейшей

битвы. Победа 24 июля 1712 года под Дененом позволила стабилизировать обстановку на севере Франции. После этого армия короля взяла Маршьенн, Сент-Аман, Дуэ, Ле-Кенуа и Бушен. Этот успех способствовал подписанию мирных договоров с Голландией и Англией. Теперь первым условием в них стал отказ Филиппа V от права на корону Франции. В свою очередь герцоги Орлеанский и Беррийский отказались от своих прав на Испанское наследство. Это был компромиссный мир, более благоприятный для Франции, чем предлагавшийся ранее. Но в результате его принятия в 1713 году в Утрехте королевство и многое потеряло: Дюнкерк был объявлен нейтральным городом, Франция отказалась от Турне, Менена, Ипра и Сен-Венана. Теперь ей на долгий срок пришлось забыть о возможности как можно дальше отодвинуть границы королевства на север и восток от Парижа.

Но даже после заключения Утрехтского мира проведение военных действий продолжалось по настоянию эрцгерцога Карла. Однако удача в очередной раз отвернулась от Евгения Савойского, и Виллар поочередно овладел Шпейером, Вормсом, Кайзерслаутерном, Ландау и Фрейбургом. Взятие последнего сыграло важную роль: его обменяли на Страсбург, который остался за Францией. 6 мая 1714 года был подписан договор в Рамштадте, по

которому Карл VI отказался от претензий на Испанское наследство, получив взамен Нидерланды, Милан, Неаполь, Тоскану и Сардинию. Оба договора, по мнению известного историка Фридриха Масона, стали шедевром де Торси и лебединой песней стареющего Людовика XIV.

В целом войны составили чуть меньше половины 54-летнего срока правления Людовика XIV, так что назвать это правление тихим и мирным вряд ли можно. Войны стоили жизни 500 тысячам французов, но дали королевству 10 новых провинций и сделали из него настоящую империю. Такого результата не смог добиться не только ни один предшественник «короля-солнца», но и его ближайшие потомки. Для сравнения стоит сказать, что войны и революции первой империи унесли около 1,5 миллиона солдат, а границы Франции при этом не изменились. Недаром великий император и непревзойденный полководец Наполеон Бонапарт, оценивая годы правления своего далекого предшественника, отмечал: «Людовик XIV был великим королем: это он возвел Францию в ранг первых наций в Европе, это он впервые имел 400 тысяч человек под ружьем и 100 кораблей на море, он присоединил к Франции Франш-Конте, Руссильон, Фландрию, он посадил одного из своих детей на трон Испании... Какой король со времен

Карла Великого может сравниться с Людовиком во всех отношениях?» Однако сам Людовик XIV в преддверии своей смерти произнес такие слова: «Я слишком любил войну». Видимо, на смертном одре он сожалел о тех потерях, к которым привела страну его внешняя политика.

Как людовик XIV стал «Королем-солнце»

В «Королевском триумфе» — памфлете, написанном по случаю возвращения 18 августа 1649 года десятилетнего Людовика XIV в Париж, — о юном монархе было написано: «Это яркое светило, лучезарное солнце, это день без ночи, это центр круга, откуда расстилаются лучи». Это был первый случай, когда Людовика XIV сравнивали с солнцем.

С 12-летнего возраста король танцевал в так называемых балетах театра Пале-Рояль, которые представлялись во время карнавалов. В те времена карнавалы были не просто праздниками, а своеобразными действиями «перевернутого мира», в котором король мог на несколько часов стать шутком, артистом, фиглярком. Впрочем, точно также и шут мог предстать в роли короля. Юному Людовику поручались в карнавальных балетах две роли: Восходящего солнца (1653 г.) и Аполлона —

солнечного бога (1654 г.). Те же партии он исполнял позже и в придворных балетах.

А в 23 года монарх сам сделал своей эмблемой солнечное светило. Сначала он использовал ее во время «грандиозного и красивого конного турнира», который проходил во дворце Тюильри в 1662 году во время так называемой Карусели — празднично-карнавальной кавалькады. На ней Людовик XIV предстал перед народом в роли римского императора с огромным щитом в форме солнца, который означал, что солнце защищает короля и вместе с ним и всю Францию. В связи с этим историк балета Ф. Боссан писал: «Именно на Большой Карусели 1662 года в некотором роде родился «король-солнце». Имя ему дали не политика и не победы его армий, но конный балет».

По словам Людовика XIV, солнечная эмблема «должна была символизировать в какой-то мере обязанности короля» и постоянно побуждать его к их выполнению. В своих «Мемуарах» он обосновывал этот выбор так: «За основу выбирается солнце, которое по правилам эмблематики считается самым благородным и по совокупности присущих ему признаков уникальным светилем, оно сияет ярким светом, передает его другим небесным светилам, образуя как бы его двор, распределяет свой

свет равно и справедливо по разным частям земли; творит добро повсюду, порождая беспрестанно жизнь, радость, движение; бесконечно перемещается, двигаясь плавно и спокойно по своей постоянной и неизменной орбите, от которой никогда не отклоняется и никогда не отклонится, — является, безусловно, самым живым и прекрасным подобием великого монарха. Те, кто наблюдали, как я достаточно легко управляю, не чувствуя себя в затруднительном положении из-за множества забот, падающих на долю короля, уговорили меня включить в центр эмблемы земной шар — державы и написать «Nec pluribus impar»²; считая, что мило польстили амбициям молодого монарха; что раз я один в состоянии справиться с таким количеством дел, то смог бы даже управлять другими

---

² Это выражение обычно трактуется как «Никому не равный», т. е. выше всего сущего. Однако историк В. Н. Малов в примечаниях к русскоязычному изданию монографии Ф. Блюша «Людовик XIV» дает совершенно другой перевод: «И для многих равный». Он обосновывает его тем, что в латинском языке два отрицания (в данном случае частица «nec» и приставка «im-» в слове «impar») равны одному утверждению. Таким образом, это выражение может означать «одинаково благодетельный или одинаково справедливый». Такая трактовка согласуется со смыслом всего предложения, в котором приводится это выражение.

империями, как Солнце имело бы и другие миры, если бы они попадали под его лучи».

Судя по его высказываниям, Людовик XIV видел в великом светиле, как в неустанном труженике и источнике справедливости, пример для подражания. Его идеалом было спокойное, уравновешенное правление. Но, как это часто бывает в жизни, идеал не всегда реализуется на практике. Поэтому и Людовику XIV приходилось во времена Фронды, крестьянских мятежей и войн не раз выступать в роли солнца, сжигающего непокорных. Стоит лишь вспомнить судьбы незадачливого Фуке, кардинала де Реца и других его политических противников. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что за более чем полувековое правление Людовика XIV был вынесен и исполнен всего лишь один смертный приговор за участие в заговоре против него: в 1674 году на площади Бастилии казнили шевалье де Рогана.

Закрепленное в истории за Людовиком XIV прозвище «король-солнце» во многом справедливо. И не потому, что оно ему льстило и соответствовало его представлениям о королевской власти или что у него был блистательный двор, а потому, что его государство и система управления были построены по принципу Солнечной системы. Он правил, как Солнце, находясь в центре огромной, необъятной, но целиком подчиненной

ему машины. Его влияние, как лучи, пронизывало эту систему, не оставляя ни одного уголка, ни одной области нетронутыми. Он являлся первым судьей и, несомненно, олицетворением справедливости для всех жителей королевства, ответственным перед Богом за благополучие своего государства.

Это прозвище подходило Людовику XIV и по многим другим причинам. Современники в своих воспоминаниях и переписке нередко упоминали о его доброжелательности, заботливости, галантности, благовоспитанности и необыкновенном внешнем шарме. И хотя настоящие чувства этого монарха чаще всего были скрыты за ширмой учтивости, в нем видели человека солнечного и ласкового со всеми. Такому восприятию способствовала и притягательная внешность короля. Несмотря на свой небольшой рост, вынуждавший его носить высокие каблуки, он был статен и пропорционально сложен, имел представительную наружность. Природное изящество сочеталось в нем с величественной осанкой, спокойным взглядом и непоколебимой уверенностью в себе.

Сохранилось немало примеров великодушия Людовика XIV. Одним из них является визит короля к раненному на поле боя маршалу де Виллару в 1709 году, после битвы при Мальплаке.

Оно помогло его скорому выздоровлению и воодушевило на новые сражения. Людовик XIV был обходителен и доброжелателен не только с людьми знатного происхождения — полководцами, министрами и принцами, но и с выходцами из третьего сословия — артистами, камердинерами, слугами. Аббат де Шуази писал: «Король любит нежно тех, кто ему служит и находится рядом с его персоной... Он их осыпает своими милостями так, как будто они постоянно нуждаются. Если они ошибаются, он к ним относится по-человечески; а когда они ему хорошо служат, он обращается с ними как с друзьями». По свидетельству Сен-Симона, Людовик XIV «ни разу никому не сказал чего-нибудь обидного, а если ему приходилось сделать замечание, выговор или высказать, что бывало крайне редко, это всегда произносилось достаточно благосклонным тоном, очень редко — сухим, никогда — гневным. Не было человека более учтливового по самой своей природе, умевшего лучше соизмерить учтливость с рангом других, подчеркивая тем самым их возраст, достоинство, сан. Это различие очень тонко проявлялось и в том, как он здоровался и принимал поклоны входящих или выходящих придворных. Он был великолепен, когда совершенно по-разному принимал приветствия на театре военных действий и на смотрах». А знаменитая писательница мадам

де Севинье писала, что умение уговаривать и располагать к себе людей у Людовика XIV сформировалось еще в детстве. Даже в страшные годы Фронды, будучи ребенком, Людовик XIV «привлекал души и подчинял их себе».

Особенно Людовик XIV уважал и выделял среди своего окружения тех, кто умел молчать. Таких подле него было только двое: канцлер Поншартрен и камердинер Александр Бонтан. С последним король провел бок о бок сорок лет своей жизни. Между Людовиком и камердинером был настоящий симбиоз: когда в августе 1686 года король заболел четырехдневной лихорадкой, Бонтан тоже слег с нею. По словам маркиза де Сурша, Людовик «нежно о нем заботился в течение всей его болезни», а когда в 1701 году с камердинером случился апоплексический удар, приказал, «чтобы ему о Бонтане докладывали, где бы он ни находился». Эта дружба, такая неравная в социальном положении, как нельзя лучше характеризует короля как человека милосердного, отзывчивого, проявлявшего постоянную заботу о ближнем.

Особенно много друзей было у короля среди людей искусства. Он не только «коллекционировал» таланты, щедро платя за их творчество, но и дарил им свое расположение, которого некоторые придворные не могли добиться